

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

**ИСТОРИЯ ШКОЛЫ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРМЕНИИ**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.01 Педагогическое образование, профиль История
заочной формы обучения, группы 02031354
Вохменовой Екатерины Викторовны

Научный руководитель
к.п.н., доцент
Болгова А.М.

Белгород 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ШКОЛА И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АРМЕНИИ (IV-IX ВВ.)..	11
1.1. Культурно-историческая характеристика эпохи. Состояние школы, образования, воспитания.....	11
1.2. Выдающиеся деятели школы и педагогики. Педагогическая мысль в Армении в V- X вв....	39
ГЛАВА 2. ЭВОЛЮЦИЯ ШКОЛЫ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКО - ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРМЕНИИ (X - XV вв.).....	61
2.1. Историческое развитие армянской школы в X - XV вв.....	61
2.2. Просветительско-педагогическая мысль Армении в X - XV вв.....	82
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	108
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	111

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. В современном обществе заметно вырос интерес к национальным и региональным компонентам образования, к истории развития общественной мысли в разные эпохи становления государственности. В соответствии с целями и задачами Национальной доктрины образования в Российской Федерации на период до 2025 г. система образования призвана обеспечить «формирование у детей и молодежи целостного миропонимания и современного научного мировоззрения, развитие культуры межнациональных отношений», также подчеркивается, что государство в сфере образования обязано обеспечить «воспитание молодого поколения в духе высокой нравственности и уважения к закону»¹.

Таким образом, рост национального самосознания и стремление возродить наиболее эффективные формы и методы воспитания в новых исторических условиях обусловили повышение интереса к педагогическому прошлому. Демократические преобразования, происходящие в нашем обществе, позволили реабилитировать и восстановить то, что ранее было незаслуженно отвергнуто, забыто и до сих пор недооценено. Необычайно возрос интерес к неисследованным древнейшим национальным культурным ценностям.

Сегодня в условиях демократизации общества расширяются пространственно-временные диапазоны представлений о наследии прошлого, берутся на вооружение лучшие элементы классического наследия народа. В этой связи вновь открываются незаслуженно забытые памятники педагогической культуры армянского народа, звучащие поразительно актуально в наше время.

Армянский народ имеет богатое педагогическое наследие, но исследовано оно крайне мало. На протяжении долгих столетий Армения была лишена политической независимости и государственной самостоятельности. Пе-

¹ Национальная доктрина образования в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://rg.ru/2000/10/11/doktrina-dok.html> (дата обращения 02.02.2017).

ред народом стояла сложнейшая проблема национального выживания, сохранения духовного облика, национального «я». Народ справился с этой труднейшей исторической задачей. Он не только выстоял, но и создал великую общечеловеческую культуру, обогатил различные области теоретической мысли, в том числе и педагогической. Одна из «тайн» этого феномена видится в концептуальном отношении идеологов и теоретиков к вопросам школы, образования и воспитания, получивших идейно-теоретическое и практическое решение.

Ценные мысли о воспитании и образовании молодого поколения армянского народа веками оказывали и продолжают оказывать свое влияние на миллионы людей. Это ценнейшее наследие пока еще остается закрытым для широкого круга читателей, что является серьезным препятствием к созданию подлинно научной концепции единого всемирно-исторического педагогического процесса.

Поэтому мы в своем исследовании постарались раскрыть истоки армянской педагогической мысли средневековья.

Объектом исследования является история армянской средневековой школы в период IV-XV веков.

Предметом исследования является педагогическая мысль средневековой Армении в период IV-XV веков.

Цель данного исследования: проанализировать историю школы и педагогической мысли средневековой Армении в период IV-XV веков.

Задачи исследования:

- рассмотреть культурно-историческую характеристику эпохи, состояние школы и образования;
- изучить вклад деятелей армянской средневековой школы в историю развития педагогической мысли;
- проанализировать историческое развитие армянской школы в X-XV века;
- исследовать просветительско-педагогическую мысль Армении X-XV веков.

Хронологические рамки исследования охватывают период с IV по XV век, с преимущественным вниманием к тому периоду, когда зародилась армянская школа, сменившая грекофильскую и сирофильскую, возник армянский алфавит.

Источниковая база исследования. В многочисленных трудах средневековых авторов исторического, научно-философского, церковно-религиозного, политико-правового, назидательного характера, а также в церковных и светских канонах, постановлениях армянских соборов, посланиях, памятных записях рукописей и т. д. содержится богатый материал, свидетельствующий о высоком уровне школьного дела, просвещения и воспитания в Армении, о наличии более или менее целостных педагогических учений.

Прежде всего, необходимо назвать произведение ученика Месропа Маштоца вардапета Корюна – «Житие Маштоца»². Оно написано в 40-х годах V в., после смерти Месропа Маштоца. Автор описал жизнь своего учителя, историю изобретения армянских письмен, открытия школ, распространения грамотности, зарождения армянской литературы. В труде Корюна имеются также ценные сведения о культурной жизни соседней Грузии и Агванка (Кавказской Албании).

«История Армении» Агатангелоса³ содержит важные сведения о социальной структуре армянского общества в IV в., о принятии страной христианства в качестве государственной религии, деятельности Григория Просветителя, о борьбе против языческой религии. Повествование ведется в хронологических рамках царствования Трдата III (298—330 гг.). Труд Агатангелоса переведен на ряд иностранных языков.

² Корюн. Житие Маштоца. История жизни и смерти блаженного мужа, святого, Вардапета Маштоца, нашего переводчика, (написанная) учеником его Вардапетом Корюном. Пер. с древнеармянского Ш.В. Смбатяна и К.А. Мелик-Огаджаняна. – М., 1962. – 70 с.

³ Агатангелос. История Армении. / Пер., вступит. статья и примеч. К.С. Тер-Давтян и С.С. Аревшатяна. – Ереван, 2005. – 336 с.

Младшим современником Агатангелоса был Фавстос Бузанд. Его «История Армении»⁴ охватывает период от распространения христианства в Армении (начало IV века) до первого раздела страны между Римом и сасанидским Ираном (387 г.). В этом важном первоисточнике много данных о становлении феодального строя в Армении, об упорных оборонительных войнах армянского народа против сасанидской агрессии. В «Истории» Фавстоса Бузанда, наряду с другими источниками, использованы народные сказания и легенды. Труд Бузанда содержит много интересных сведений о ряде стран Ближнего Востока.

Егише был участником освободительной войны 450-451 гг. Ему принадлежит ряд трудов. Самым важным из них является историческое сочинение «О Вардане и войне армянской»⁵, в котором изложена история Армении от падения царства Аршакидов (428—429 гг.) до 464—465 гг. История войны Вардана Мамиконяна и его сподвижников приобрела широкую популярность в основном благодаря Егише.

Крупнейшим представителем древней и средневековой армянской историографии является Мовсес Хоренаци (Моисей Корейский). Ему принадлежит ряд трудов, венцом которых является «История Армении»⁶, написанная в 480-481 гг. по поручению князя Саака Багратуни. «История Армении» Мовсеса Хоренаци, состоящая из трех частей, излагает историю армянского народа с древнейших времен до середины V века. В ней повествуется о политических событиях, культурных явлениях, народном творчестве, об экономической жизни страны, градостроительстве, об экономических, политических и культурных связях Армении с разными странами и т. п. В «Истории Арме-

⁴ Фавстос Бузанд. История Армении Фавстоса Бузанда. / Пер. с древнеарм. и комм. М.А. Геворкяна. – Ереван, 1953. – 238 с.

⁵ Егишэ. О Вардане и о войне Армянской. / Пер. с древнеарм. И. Орбели./ Подг. к изд., предисл. и примеч. К.Н. Юзбашяна. АН АрмССР. Ин-т литературы им. М. Абеяна. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1971. – 192 с.

⁶ Мовсес Хоренаци (Моисей Хоренский; 5 в.). История Армении. / Соч. Моисея Хоренского; Пер. с арм. и объяснил Н. Эмин. – Москва: тип. Каткова и К°, 1858. – 384 с.

нии» содержатся также ценные сведения о Грузии, Албании, Персии, Сирии, Египте, Греции, Византии и других странах.

Произведения Давида Анахта «Определения философии» и «Сочинения»⁷ являются значительными памятниками армянской средневековой философии V-VI вв. Особенно ценны разделы труда, посвященные гносеологическим вопросам. Давид признавал существование внешнего мира и возможность его познания посредством разума и органов чувств человека.

Представителем философской мысли VII-VIII вв. был Аракел Сюнеци. До нас дошла его рукопись Анализ «Определений философии Давида»⁸, непобедимого философа, где комментируются трактаты «Определения философии» Давида Анахта и «Введение» Порфирия.

Выдающимся ученым в области естественных наук был Анания Ширакаци, занимавшийся вопросами математики, космогонии, географии, натурфилософии и других наук. Родился он в начале VII века в области Ширак, первоначальное образование получил там же, а затем в продолжение восьми лет изучал математику и другие науки у греческих ученых в Трапезунде.

Ширакаци – автор многочисленных и разнообразных по содержанию трудов: «Космография»⁹, «Автобиография»¹⁰. Он занимался также педагогической деятельностью. Его учебник с таблицами четырех арифметических действий – один из первых среди дошедших до нас учебников по арифметике.

«Книга Историй» Аракела Даврижеци¹¹ охватывает в основном события конца XVI – первой половины XVII веков. В этом труде описаны персидско-турецкие разорительные войны, дан обстоятельный рассказ о насильст-

⁷ Давид Анахт. Сочинения. / Сост., пер. с древнеарм., вступ. статья и примеч. С.С. Аревшатына. – М., 1980. – 262 с.

⁸ Аракел Сюнеци. Анализ «Определений философии Давида», непобедимого философа. – Мадрас, 1777.

⁹ Анания Ширакаци. Космография. / Пер. с древнеарм., предисл. и комм. К.С. Тер-Давтян и С.С. Аревшатына. – Ереван, 1962. – 398 с.

¹⁰ Анания Ширакаци. Автобиография. / Пер. с древнеарм. яз. К. Патканяна (см. Предисловие к «Армянской Географии VII в.» – СПб., 1877. – 69 с.

¹¹ Аракел Даврижеци. Книга истории. / Пер. с арм. Л.Х. Ханларян. – М., 1973. – 628 с.

венном переселении Шах Аббасом населения Восточной Армении вглубь Персии в 1604 году и об основании армянами города Нор-Джуги.

Судебник Мхитара Гоша¹² – сборник феодального права Армении. Составлен Мхитаром Гошем в конце XII в. В нем установлены принципы и порядок судопроизводства. В состав этого свода, без всякой системы и руководящей нити, вошли, кроме законов Восточной Римской империи (Византии), армянские национальные обычаи, каноны армянской церкви, законы Моисея. Какой-либо строгой системы в судебнике нет, теоретические рассуждения сочетаются с общими рассуждениями, нормами права и их толкованием.

Степень изученности темы. История армянской педагогической мысли древнего и средневекового периодов, несмотря на все многообразие сохранившихся материалов, принадлежит к практически неразработанной области арменоведения. В обзорных работах К.А. Мирумяна¹³, А.Х. Мовсисяна¹⁴, П.Р. Симоняна¹⁵ и других в основном анализируется состояние школы, образования и воспитания, содержание и формы обучения и т. д. Исследования Е., Л. Хачикяна¹⁶, С. Аревшатяна¹⁷, А. Матевосяна¹⁸ и др. знакомят с состоянием школьно-просветительского дела и образования в отдельных культурно-научных и учебных центрах, с некоторыми сторонами педагогической деятельности отдельных выдающихся философов, ученых и педагогов. В работах упомянутых исследователей, а также в трудах по истории средневеко-

¹² Мхитар Гош. Армянский Судебник Мхитара Гоша. / Пер. с древнеарм. А.А. Паповяна. Ред., вступ., статья и примеч. Б.М. Арутюняна. – Ереван: Изд-во Акад. наук Арм. ССР, 1954. – 270 с.

¹³ Мирумян К.А. Очерки по истории армянской педагогической мысли. – Ер: Изд-во ЗАН-ГАК, 2013. – 180 с.

¹⁴ Мовсисян А.Х. Из истории армянской школы и педагогики (с начала до XVIII века). / А.Х. Мовсисян. – Ереван: Митк, 1968. – 129 с.

¹⁵ Симонян П.Р. Очерки по истории армянской школы и педагогической мысли. – Ереван, 1971. – 254.

¹⁶ Хачикян Л.С. Из истории социальных движений в Малой Армении. / Пер. с арм. М. Даниела. – Ереван, 1951. – 110 с.

¹⁷ Аревшатян С.С. Формирование философской науки в древней Армении (V-VI вв.). – Ереван, 1973. – 168 с.

¹⁸ Матевосян А.С. «Книикон» Анания Ширакаци. – Вестник общ. наук АН Арм. ССР, 1974.

вой армянской литературы, науки и философии (М.Х. Абемян¹⁹, Ю.А. Веселовский²⁰, М. Абемян²¹, В. Чалоян²², С. Аревшатын²³, Г.О. Григорян²⁴, Н.Я. Марр²⁵, А.Б. Хачатурян²⁶ и др.) так или иначе затрагивались и некоторые вопросы педагогического характера.

Что касается процесса развития педагогической мысли, то он разработан весьма недостаточно. Сказанное в первую очередь относится к проблеме развития и преемственности педагогических идей, выявления закономерностей и специфики истории армянской педагогической мысли, обусловленных социально-экономическими, политико-идеологическими и культурными факторами, установления места и значения армянской педагогики в контексте и на фоне всеобщего историко-педагогического процесса и т. д. Это довольно сложная и ответственная задача, решение которой требует коллективных усилий. Сложность заключается и в том, что все еще нет разработанной фактологической и источниковедческой базы.

История армянской педагогической мысли в этом смысле должна рассматриваться в первую очередь в контексте не социально-исторического, а национально-исторического бытия, составляя в этом смысле один из блоков национальной идеологии. Поэтому адекватное изложение данной области знания позволит правильно понять и осмыслить одну из форм национальной идеологии.

¹⁹ Абемян М.Х. История древнеармянской литературы. / Манук Абемян. / Пер. с арм. К.А. Мелик-Оганджяна и М.О. Дарбиняна; Академия наук Армянской ССР. Ин-т литературы им. М. Абеяна. – Ереван: Издательство Академии Наук Армянской ССР, 1975. – 606 с.

²⁰ Веселовский Ю.А. Очерки армянской литературы, истории и культуры. / Ю.А. Веселовский. – Ереван: Айастан, 1972. – 502 с.

²¹ Абемян М. История древнеармянской литературы. – Ереван, 1975. – 367 с.

²² Чалоян В.К. Развитие философской мысли в Армении (Древний и средневековый период). – М., 1974. – 293 с.

²³ Аревшатын С.С. Формирование философской науки в древней Армении (V-VI вв.). – Ереван, 1973. – 168 с.

²⁴ Григорян, Г.О. Философские взгляды Иоанна Имастасера. // Ист.-филолог. журнал. – 1958. – № 3. – С. 25-30.

²⁵ Марр Н.Я. Армянская культура: ее корни и доисторические связи по данным языкознания: пер. с арм. / Николай Марр. – Ереван: Айастан, 1990. – 53 с.

²⁶ Хачатурян А.Б. История прогрессивной армянской философской и общественно-политической мысли конца XVIII – середины XIX века. – М.: Высш. шк., 1973. – 263 с.

Методология исследования. Методологической основой работы является совокупность научных принципов и методов познания, прежде всего историзма, объективности и системности. В работе использованы общенаучные методы исследования: историко-генетический, сравнительно-исторический.

Историко-генетический метод позволяет реконструировать историческую действительность, использован при изучении отдельных аспектов темы. Сравнительно-исторический метод позволяет рассмотреть различные трактовки развития истории школы и педагогической мысли средневековой Армении в период IV-XV веков.

Практическая значимость состоит в том, что материалы данного исследования могут быть использованы в дальнейших исследованиях истории развития педагогической мысли армянского народа, при создании учебников, учебных пособий и хрестоматий по общей педагогике и истории педагогики, а также в процессе преподавания предметов гуманитарно-педагогического цикла в общеобразовательных школах, средних специальных образовательных учреждениях, вузах и курсах повышения квалификации работников образования.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- во-первых, впервые определены философские и научно-теоретические основы педагогических взглядов армянских мыслителей IV-XV вв.;
- во-вторых, исследовано и обобщено большое количество фактического материала, начиная с антологии педагогической литературы до энциклопедий армянского народа
- в-третьих, результаты исследования расширяют традиционные представления об истории школы и педагогической мысли средневековой Армении.

Структура работы. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка.

ГЛАВА 1. ШКОЛА И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АРМЕНИИ (IV-IX ВВ.).

1.1. Культурно-историческая характеристика эпохи. Состояние школы и образования.

К началу IV века в Армении начали складываться феодальные отношения, которые постепенно проникали во все сферы хозяйственно-экономической и социально-политической жизни страны. Появление новых общественно-экономических отношений, неблагоприятная для страны международная политическая обстановка, обусловленная противостоянием двух могущественных соседних держав – Сасанидского Ирана и Восточно-римской империи, усиление центробежных устремлений армянской знати привели к определенным изменениям и в общественной надстройке²⁷.

Свержение парфянской династии и воцарение на иранском престоле персидской династии Сасанидов (226 г.), возрождение древнеиранского зороастризма в качестве государственной религии, и активизация в связи с этим экспансионистской политики сопровождалось искоренением эллинистических традиций как в самом Иране, так и в других странах, в том числе в Армении. С целью религиозного и политического подчинения Армении Сасаниды всеми средствами стремились уничтожить «синкретичный армянский эллинистический пантеон», эллинистические храмы, эллинистическую культуру, что получило в Армении мощный отпор²⁸. Политика насильственного насаждения в Армении религии зороастризма и сопротивление Армении в этот период фактически приобрели характер столкновения не только двух форм религиозной идеологии, но и двух форм мировоззрения, систем культурных ценностей, цивилизационного развития и духовно-интеллектуальной

²⁷ Абаза В.А. История Армении. – С.-Петербург. Типография И.Н. Скороходова, 1988. – С. 43.

²⁸ История армянского народа (с древнейших времен до наших дней). Под ред. проф. М.Г. Нерсисяна. – Ереван, 1980. – С. 53.

ориентации. В этой неравной борьбе Армения выступала как носитель и защитник эллинистических традиций, как представитель эллинистического культурного мира.

Перед страной встала историческая задача по нейтрализации этих губительных процессов и тенденций, консолидации нации, укреплению центральной царской власти, политической консолидации, что в свою очередь предполагало объединить все слои общества, весь армянский народ посредством формулирования единой идеи, общенациональных задач и интересов. При этом идеи централизованной власти, государственной целостности, национальной и культурной самобытности должны были восприниматься как идентичные. Такую функцию могла выполнить хорошо разработанная идеологическая система, которая подкрепляла и обосновывала бы идею верховенства и незыблемости центральной царской власти, способствовала бы консолидации всех социальных слоев народа, сохранению и упрочению его единства. Между тем господствующий в стране языческий политеизм был не в состоянии решить указанные проблемы²⁹.

Среди множества разнообразных религиозных течений и культов, распространенных в регионе, этим требованиям в наибольшей мере отвечало набирающее силу, но еще не имеющее официального статуса христианство с его ярко выраженным монотеизмом. Как пишет Хоренаци в «Истории Армении», именно благодаря этому в 301 году царем Трдатом III Великим (293-330 гг.) христианство впервые в истории человечества было провозглашено государственной религией Армении³⁰.

Принятие христианства в качестве государственной религии явилось не только важной вехой в духовно-религиозной жизни страны, но и крупным историческим и политическим актом и во многом предопределило дальнейшие судьбы армянского народа, в том числе вектор духовно-нравственно-

²⁹ История армянского народа. Т. 1. – Ереван, 1984. – С. 56.

³⁰ Мовсес Хоренаци (Моисей Хоренский; 5 в.). История Армении. / Соч. Моисея Хоренского; Пер. с арм. и объяснил Н. Эмин. – Москва: тип. Каткова и К°, 1858. – С. 63.

интеллектуального воспитания и школьного образования. Монотеистическое христианство было призвано укрепить центральную царскую власть, обеспечить идейно-политическое единство армянского народа в период усилившейся экспансионистской и ассимиляторской политики Сасанидского Ирана и Восточно-Римской империи. Поэтому отнюдь не случайно, что новая религия в Армении была внедрена «сверху», царем и его ближайшим окружением. Кроме того, так как армянская знать получала, как правило, эллинистическое образование и поэтому свободно владела греческим и сирийским языками, то приобщить ее к христианскому учению было несравненно проще, чем другие социальные слои. Христианизация страны проводилась под непосредственным руководством выдающегося церковного и культурного деятеля Григора Партэва (ок. 239-325 гг.), прозванного Лусаворичем (Просветителем) Армении, и царя Трдата III Великого³¹.

Этот процесс протекал весьма мучительно и долго с применением порой жестоких форм принуждения и насилия. Народ не сразу воспринял новую религию, ему намного ближе и понятнее были древние языческие культы и обычаи, которые казались ему более естественными и привычными. Поэтому народ еще долгое время продолжал поклоняться своим древним языческим культам и божествам, любить «свои мифические песни, свои сказания, на них они воспитывались, им верили и постоянно предавались им». Не могли легко отказаться от многовековых традиций и многие представители высшего светского и духовного сословия. По свидетельству историка Фавстоса Бузанда, «они уподобились людям своего века, гордились своим земным благородством. А патриарх Завен (376-380 гг.), потомок известного епископа Албианоса, ввел обычай, чтобы священники вместо «подрясников до пят», носили короткую военную одежду»³².

³¹ Мовсес Хоренаци (Моисей Хоренский; 5 в.). История Армении. / Соч. Моисея Хоренского; Пер. с арм. и объяснил Н. Эмин. – Москва: тип. Каткова и К°, 1858. – С. 74.

³² Фавстос Бузанд. История Армении Фавстоса Бузанда. / пер. с древнеарм. и комм. М.А. Геворкяна. – Ереван, 1953. – С. 13.

Естественно, что поведение знати оказывало сильное влияние на сознание остальных слоев населения, создавая питательную почву для сохранения и периодического усиления языческих традиций, переходящих порой в мощные всплески языческого духа.

В Армении, как это было и в других странах, с принятием христианства началось жестокое преследование языческой религии и культуры, насильственное насаждение христианской идеологии, морали, мировоззренческих принципов, в результате которого были уничтожены многочисленные храмы и жертвенники, посвященные языческим богам, памятники языческой культуры, устоявшаяся в течение веков система школьного образования и воспитания. Эта участь постигла и «храм мудрости» и «школу» бога Тира³³. Вместо, а чаще на месте (или на фундаменте) языческих храмов строились христианские церкви, а вместо храмовых школ основывались церковные и монастырские. Подобная политика была призвана обеспечить некую преемственность в духовной жизни армянского народа, облегчить восприятие новой религии.

Важным условием повсеместного распространения христианства и укрепления его позиций в стране Григор Просветитель и Трдат III считали создание новой школьно-образовательной системы, призванной ускорить процесс «просвещения» всех слоев народа и воспитания его в духе христианских добродетелей, подготовки молодых кадров для проповеднической и церковно-религиозной деятельности. С этой целью, как свидетельствует Хоренаци, «по личному повелению царя из различных областей страны собирают одаренных и пытливых отроков, распределяют их по группам и обучают «новоявленному учению»³⁴. «И разделили их на две группы, – пишет историк Агатангелос, – некоторых отдали на изучение сирийской письменности, других –

³³ Давид Анахт. Сочинения. / Сост., пер. с древнеарм., вступ. статья и примеч. С.С. Аревшатыана. – М., 1980. – С. 59.

³⁴ Мовсес Хоренаци (Моисей Хоренский; 5 в.). История Армении. / Соч. Моисея Хоренского; Пер. с арм. и объяснил Н. Эмин. – Москва: тип. Каткова и К°, 1858. – С. 81.

греческой»³⁵. Для того чтобы оторвать учеников от языческих традиций и обычаев, лишить возможности общения и ускорить процесс приобщения к новым – христианским духовно-нравственным ценностям их переселяли в отдаленные от их места жительства районы, «просвещая» и воспитывая там³⁶.

Особое внимание, при этом, уделялось детям жреческого сословия, на их обращение в христианскую веру, приобщение к христианскому учению. Многие из них впоследствии стали крупными церковными деятелями и удостоились сана епископа.

Понимая всю важность задачи, воспитанием и обучением жреческих отпрысков занимался лично Григор Просветитель. Привлечение в новооткрытые школы детей жрецов преследовало также конкретные практические и социально-политические цели. Во-первых, благодаря этому уменьшалось сопротивление все еще сильного класса жрецов, которые могли усмотреть в этом определенную гарантию личной безопасности и социально-политическую перспективу для своих детей. Во-вторых, к делу привлекалась молодежь, которая имела определенное духовно-интеллектуальное воспитание и образование, в той или иной степени была приобщена к существующим знаниям и культуре, языкам, что так или иначе должно было способствовать более успешному усвоению основ новой христианской религии. В-третьих, благодаря этому дети жрецов могли сравнительно легко добиться того социального статуса, которым «обладали их отцы-язычники и обеспечить преемственность в духовном сословии», хотя и на другой идеологической и духовно-культурной основе. В-четвертых, тем самым несколько сглаживались социальные противоречия, нейтрализовалась опасность со стороны класса жре-

³⁵ Агатангелос. История Армян. / Пер., вступит. статья и примеч. К.С. Тер-Давтян и С.С. Аревшатыан. – Ереван, 2005. – С. 117.

³⁶ Там же. – С. 118.

цов, которые представляли значительную социальную и интеллектуальную силу и могли создать серьезные трудности на пути христианизации страны³⁷.

Однако внимание христианских просветителей преимущественно было сконцентрировано на обучении и воспитании детей из низших социальных сословий, которые по их замыслу должны были стать основными проводниками и убежденными пропагандистами христианского вероучения. С целью содействия процессу распространения и внедрения в народное сознание христианского учения Григор Лусаворич основывает также многочисленные школы греческого и сирийского типа для обучения этим языкам и приобщения к текстам Священного Писания. Историк V века Лазар Парпеци называет эти школы «школами для обучения паствы», то есть народа³⁸.

Обучение в школах велось на греческом и сирийском языках, так как, с одной стороны, существующая церковно-религиозная литература была на этих языках, с другой – еще не было своих, национальных письмен. Поэтому на первых порах функцию учителей-наставников выполняли приехавшие вместе с Григором Лусаворичем из Кесарии Капподокийской его греческие и сирийские сподвижники, однако их усилий было недостаточно для широкого и повсеместного внедрения христианства. Возникла потребность в подготовке местных кадров, что могло быть реализовано посредством создания разветвленной школьной сети. В этом состояла главная задача, вставшая перед открытыми в начале IV века армянскими школами.

Историк Агатангелос сообщает, что католикос Григор Просветитель лично распространял христианство в восточных провинциях Армении – историческом Арцахе и основал там одну из первых в стране христианских

³⁷ Мирумян К.А. Культурная самобытность в контексте национального бытия. – Ереван, 1994. – С. 38-39.

³⁸ Днепров Э.Д. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. / Отв. ред. Э.Д. Днепров. – М.: педагогика, 1989. – С. 277.

церквей в поселении Амарас³⁹. Вскоре Амарасский монастырь стал крупным духовно-церковным и культурным центром края.

После смерти Григора Просветителя учрежденные им школы вследствие неустойчивости политического положения в стране и в регионе пришли в упадок. Языковая раздвоенность армянской школы была сопряжена с раздвоенностью религиозной жизни страны. Род Просветителя традиционно получал греческое воспитание и образование и, естественно, придерживался греческой церковно-политической и культурной ориентации, а род Албианоса, получившего сирийское воспитание и образование – восточной, проперсидской или «суверенной» национальной политики, выступая против не столько распространения эллинской образованности, сколько ее гегемонии⁴⁰. В сложившихся условиях, когда идейные противоречия и столкновения будоражили тогдашний цивилизованный мир, упрочение христианской морали и идеологии стало одним из реальных факторов повышения нравственно-воспитательного уровня народа вообще, создания духовного единства народа, а это, в свою очередь, предполагало расширение сферы распространения просвещения, образования, наставническо-проповеднической деятельности.

Этим объясняется тот факт, что католикосу Нерсесу Великому (353-373 гг.) пришлось фактически заново открывать школы, к тому же более многочисленные, чем при Григоре Просветителе⁴¹. Школьное дело, подбор учеников и учительских кадров находились под непосредственной опекой и контролем церкви. Программа обучения в армянских школах была схожа с программой начальных греческих школ: учеников обучали читать, писать и считать. Главная задача этих элементарных школ состояла в обучении чтению и устному переводу с греческого и сирийского на армянский язык текстов Священного Писания для массы верующих, а также их комментариев. Нерсес

³⁹ Агатангелос. История Армянии. / Пер., вступит. статья и примеч. К.С. Тер-Давтян и С.С. Аревшатяна. – Ереван, 2005. – С. 121.

⁴⁰ Мирумян К.А. Школа, просвещение и педагогическая мысль в Армении. – М., 1989. – С. 42.

⁴¹ Мовсесян А.Х. Из истории армянской школы и педагогики (с начала до XVIII века). / А.Х. Мовсесян. – Ереван: Митк, 1968. – С. 29.

Великий ввел в армянскую церковь монастырский устав или каноны, установленные Василием Кесарийским (Великим), согласно которым монашество в обязательном порядке должно заниматься как умственным, так и физическим трудом. При нем широкое распространение получили благотворительная деятельность, идеи милосердия, призрения больных и нищих. Были основаны различные учреждения по уходу за ними. По свидетельству армянских историков, Нерсес Великий стремился превратить страну в огромный и единый монастырь со своими всеобщими канонами, едиными порядками, нормами поведения⁴².

Монастыри постепенно превращались в очаги просвещения и образования, выполняя также функции школы. Они пришли на смену храмовым школам. Наряду с этим учреждаются также светские школы, которые содержались за счет государства, князей-нахараров, общин и охватывали более широкие слои населения. Примечательно, что в этих школах обучались дети и из низших слоев общества «достойные из местных детей»⁴³.

Именно в этот период закладывается традиция по предоставлению права низшим сословиям получить школьное образование, что получило дальнейшее развитие в последующие периоды армянского средневековья. Многочисленные школы, открытые в этот период, также должны были способствовать дальнейшему распространению христианского вероучения. До изобретения армянских письмен обучение в монастырях и государственных школах продолжало вестись на греческом и сирийском языках⁴⁴.

Принятие христианства наметило пути дальнейшего развития армянского народа и армянской государственности, ориентиры и критерии духовной жизни, культуры, мышления, мировоззрения, школы и системы образования. Христианство, хотя и с трудом, но постепенно проникало в нацио-

⁴² Фавстос Бузанд. История Армении Фавстоса Бузанда. / пер. с древнеарм. и комм. М.А. Геворкяна. – Ереван, 1953. – С. 13.

⁴³ Там же. – С. 14.

⁴⁴ Мовсесян А.Х. Из истории армянской школы и педагогики (с начала до XVIII века). / А.Х. Мовсесян. – Ереван: Митк, 1968. – С. 31.

нальное сознание, в образ жизни, в быт. Со временем оно превратилось в национальную идеологию, в мощное духовное оружие против внешних идейно-политических и духовно-религиозных притязаний.

После насильственного раздела Армении между Восточно-Римской империей и Сасанидским Ираном (380-е гг.) и окончательной потери государственной независимости (428 г.) страна на 4,5 столетия (до 885 г.) подпала в зависимое или полунезависимое положение от Сасанидского Ирана, Восточно-Римской империи и Арабского халифата⁴⁵.

Хотя в Восточной Армении царство номинально просуществовало до 428 года, тем не менее опасность потери государственной целостности стала реальностью и на повестку дня был поставлен вопрос самого существования армянской государственности и нации. Проблемы, связанные с укреплением центральной царской власти и сохранением государственного суверенитета, уступили место другой, более трудной и судьбоносной – проблеме национальной самозащиты, сохранения самобытности национального бытия и культуры, остатков государственности, решение которых усугублялось усиливающейся политической и религиозно-идеологической экспансией извне. Это требовало организационного и духовного единства народа. Данную историческую миссию взяла на себя армянская церковь, игравшая к этому времени главную роль в политико-идеологической и культурной жизни народа, особенно после потери политической независимости и государственной целостности⁴⁶.

Между тем христианство, несмотря на столетнее существование в качестве официальной государственной религии, на все попытки церковных иерархов внедрить христианство, не смогло полностью раскрыть свои потенциальные возможности и не стало общенациональной религией, потому и не могло превратиться в единую духовную и идеологическую силу, охватыва-

⁴⁵ Абаза В.А. История Армении. – С.-Петербург. Типография И.Н. Скороходова, 1988. – С. 68.

⁴⁶ История армянского народа (с древнейших времен до наших дней). Под ред. проф. М.Г. Нерсисяна. – Ереван, 1980. – С. 77.

вающую всю территорию Армении, все социальные слои общества. Армянская церковь организационно и институционально оформилась, укрепилась как политический и социально-экономический институт, став своеобразным нахарарством (княжеством), но еще не стала символом идейного и духовного единства нации, не воспринималась национальным сознанием как выразитель и носитель общенациональных интересов.

Решению этой весьма актуальной задачи препятствовали не только историческая память народа, богатое языческое прошлое, жизненность устоявшихся в течение столетий традиционных форм мировосприятия, но и то обстоятельство, что в Армении распространение христианства, церковное богослужение велись на чуждом и непонятном для широких народных масс языках – греческом и сирийском, к тому же зачастую проповедниками-иностранцами. Это обстоятельство, естественно, приводило к отчуждению и неприятию новой религии со стороны основной массы народа. Лишь незначительная часть народа, преимущественно знать, владеющая греческой и сирийской письменностью, могла понять суть и значение этой религии. Многие же приняли христианство по «принуждению, без ревностной веры, не сознательно, не с надеждой и верой, как подобало»⁴⁷.

Это обстоятельство мешало полнокровной и масштабной деятельности Армянской Апостольской церкви, повсеместному распространению христианства, превращению христианской религии в национальную веру, в духовно-нравственное убеждение, то есть процессу превращения ее в национальную церковь. Иными словами, будучи государственной религией, следовательно, и государственной идеологией в течение столетия, христианство не превратилось в общенациональную религию и общенациональную идеологию.

Кроме того, хотя после раздела Армении обе ее части (особенно восточная) пользовались определенной внутренней самостоятельностью, однако

⁴⁷ Фавстос Бузанд. История Армении Фавстоса Бузанда. / пер. с древнеарм. и комм. М.А. Геворкяна. – Ереван, 1953. – С. 13.

вскоре обе соседние державы возобновили политику идейной и религиозной ассимиляции, что, прежде всего, проявилось в сфере языковой политики. В персидской части Армении был наложен запрет на греческий язык, являвшийся официальным языком армянской церкви, учебно-образовательной системы, культурной деятельности, деловых сношений – внутренних и внешних, а в византийской части – на сирийский и персидский языки, выполнявших, особенно сирийский, идентичные функции. Каждая из держав стремилась посредством языкового фактора решить вопросы духовно-религиозного и идейно-политического характера, подчинить их своим геостратегическим имперским интересам, в реализации которых Армении, вследствие ее географического и военно-стратегического положения, отводилась первостепенная роль. То есть проблема языка в конкретных исторических и политических условиях приобрела политическое содержание и направленность, выйдя за рамки сферы культуры.

Армянские идеологи, правильно ориентируясь в сложнейших политических перипетиях эпохи, пришли к выводу (возможно единственно правильному), что для решения проблем национальной самозащиты необходимо, прежде всего, придать армянскому языку статус официального языка церкви, а значит – и управления, политической, культурной и школьно-образовательной деятельности. Реализация же этой задачи с необходимостью предполагала создание национальных письмен, церковно-религиозной, богослужебной, богословской, научно-философской и другой литературы на армянском языке⁴⁸.

Создание национальных письмен было призвано, во-первых, укрепить позиции армянской церкви и христианского вероучения, вывести страну и народ из своеобразного тупика. Во-вторых, создать своеобразный языковой, а через это и культурный заслон на пути идейно-религиозной экспансии Ирана и домогательств покровительствуемой им сирязычной церкви – про-

⁴⁸ Мирумян К.А. Очерки по истории армянской педагогической мысли. – Ер: Изд-во ЗАНГАК, 2013. – С. 35.

водницы политики Сасанидов. В-третьих, усилить национальный характер Армянской церкви, предоставляя возможность на языковой основе проводить самостоятельную церковную, а опосредовано и национальную политику.

Отнюдь не случайно, что Восточно-Римская империя впоследствии усмотрела в этом проявление центробежных, сепаратистских устремлений Армянской церкви. Вместе с тем в империи понимали, что устранение влияния сирийской церкви (соперницы греческой церкви, в том числе в борьбе за позиции и влияние внутри армянской церкви) на армянскую вполне отвечает интересам империи и греческой церкви. Что касается позиции Сасанидского Ирана, то он (как и империя) в тот период не мог проводить активную внешнюю политику, и вынужден был, по-видимому, довольствоваться тем, что изобретение армянских письмен противоречило также интересам греческой церкви и империи. В итоге обе державы проявили ощутимую терпимость к созданию армянского алфавита, так как политическая чаша весов в принципе не склонялась в пользу ни той, ни другой из противоборствующих соседних держав.

Таким образом, идея создания армянского алфавита явилась не «неизбежным» результатом общественного развития⁴⁹ или естественным следствием социально-экономических, политических и цивилизационных сдвигов в IV-V веках, а выражением оригинального политического мышления национальных деятелей и идеологов. Эта задача была блестяще выполнена в 405 году великим ученым и просветителем Месропом Маштоцем (362-440 гг.) при активном участии армянского католикоса Саака Партева (388-439 гг.) и всемерном содействии царя Врамшапуха (388-414 гг.)⁵⁰.

Изобретение национальных письмен явилось поворотным событием в культурно-исторической жизни армянского народа и было продиктовано следующими обстоятельствами: 1) потерей государственной целостности

⁴⁹ Аревшатын С.С. Формирование философской науки в древней Армении (V-VI вв.). – Ереван, 1973. – С. 32.

⁵⁰ Манандян А.А. Месроп Маштоц и борьба армянского народа за культурную самобытность. / А.А. Манандян. – Ереван: Армфан, 1941. – С. 12.

(сер. 80-х годов IV в.) и угрозой потери государственности как таковой; 2) необходимостью создания мощного идеологического заслона с целью пресечения политико-идеологической экспансии извне и в первую очередь со стороны маздеистской Персии; 3) потребностью широкого распространения и повсеместного внедрения в народное сознание христианской идеологии как единственного в то время дееспособного духовно-идеологического оружия; 4) потребностью ведения богослужения на родном языке для обеспечения внутреннего духовного и идейного единства народа; 5) для создания христианской переводной, а затем и оригинальной литературы⁵¹.

Месроп Маштоц на основе тщательного изучения алфавитов многих цивилизованных народов и учета лучших принципов письма и графики создал алфавит более богатый по сравнению с использованными письменами, а также самобытные буквенные знаки. «Познать мудрость и наставления, понять изречения разума» - первые слова, написанные армянскими письменами на родном языке⁵².

Изобретение армянского алфавита сыграло непреходящую роль в духовно-интеллектуальном развитии народа, создало мощный фундамент для развертываемой борьбы за духовную и культурную самобытность, а через это и борьбы за «сохранение или восстановление национальной» или государственной независимости⁵³. Хотя этот осознанный культурно-исторический акт был «опосредован потребностями церкви и религии», однако они, в свою очередь, являлись порождением конкретной политической и идеологической ситуации в стране, будучи в конечном счете подчинены общенациональным интересам.

⁵¹ История армянского народа (с древнейших времен до наших дней). Под ред. проф. М.Г. Нерсисяна. – Ереван, 1980. – С. 89.

⁵² Корюн. Житие Маштоца. История жизни и смерти блаженного мужа, святого, Вардапета Маштоца, нашего переводчика, (написанная) учеником его Вардапетом Корюном. Пер. с древнеармянского Ш.В. Смбатяна и К.А. Мелик-Огаджаняна. – М., 1962. – С. 7.

⁵³ Аревшатян С.С. Формирование философской науки в древней Армении (V-VI вв.). – Ереван, 1973. – С. 33-34.

Создание национальных письмен позволило также избавиться от «засилья» греческого и сирийского языков, духовного, политического и идеологического влияния через эти языки соответствующих христианских церквей, что означало также создание своеобразного культурного заслона на пути политико-идеологической агрессии стоящих за этими церквами держав – Восточно-Римской империи и Сасанидского Ирана.

По свидетельству Корюна, после создания национальных письмен Маштоц при активном содействии и участии католикоса Саака Партэва и с санкции царя Врамшапуха разворачивает бурную учебно-просветительскую и литературно-переводческую деятельность, открывает многочисленные школы для обучения армянским письменам⁵⁴. Центром образования и подготовки учительских кадров становится столица Армении Вагаршапат, где обучали преимущественно придворную знать и азатов. По окончании учебы юношей отправляли в разные области Армении для обучения народа армянской грамоте и распространения христианства на родном языке⁵⁵. Маштоц во время своих многочисленных поездок по стране открывает армянские школы, а на месте существующих греческих и сирийских школ основывает армянские, сохранив, однако, обучение греческому и сирийскому языкам. Маштоц основал и первую в Арцахе (при Амарасском монастыре) школу. Естественно, что создаваемые в Арцахе школы по своим учебным программам, содержанию учебно-образовательного процесса, формам и методам преподавания были идентичны школам в других провинциях Армении.

Помимо языков, в новооткрытых национальных школах изучали арифметику, историю, музыку, богословские дисциплины, приобщались к естественнонаучным знаниям. В армянских школах обучение буквам и искусству счисления проходило одновременно – буквы армянского алфавита имели как фонетическое, так и арифметическое значение. В школах высшего типа (вар-

⁵⁴ Корюн. Житие Маштоца. История жизни и смерти блаженного мужа, святого, Вардапета Маштоца, нашего переводчика, (написанная) учеником его Вардапетом Корюном. Пер. с древнеармянского Ш.В. Смбатяна и К.А. Мелик-Огаджаняна. – М., 1962. – С. 13.

⁵⁵ Там же. – С. 16.

дапетаранах) содержание обучения включало также предметы тривиума – грамматику, риторику, философию, литературу. Ученики приобретали и определенные педагогические навыки и умение⁵⁶.

Новооткрытые учебные заведения по их уровню и назначению можно подразделить на школы, училища, семинарии и вардапетараны. Первоначально они открывались государством и церковью, а с низложением династии Аршакуни – при содействии церкви и общины. В начале V века в духовно-интеллектуальной жизни страны важную роль играли государственно-светские школы, находящиеся под опекой и на содержании государства и предназначенные для относительно более широких слоев общества⁵⁷. Доминирующее положение занимали также духовные школы – церковно-монастырские, в которых и, особенно в монастырских высших школах, учебно-образовательная и воспитательная работа находились на сравнительно более высоком уровне. Здесь, помимо изучаемых в государственно-светских школах предметов (правописание, арифметика (логистика), музыка, религия), обучали также грамматике, риторике, философии, богословию и т. д. Эти специальные учебные заведения – вардапетараны, функционировали отдельно от начальных (элементарных школ). К числу известных вардапетаранов V-VII веков относились школы Арарата, Сюника, Аршаруника. После успешной сдачи выпускных экзаменов слушатели получали ученую степень вардапета и право на самостоятельную преподавательскую работу и проповедничество.

После ликвидации Армянского царства (428 г.) государственно-светские школы были закрыты. Вместо них в VI-VII веках основываются но-

⁵⁶ Источники по истории высших школ средневековой Армении (XII-XV вв.). / Пер. с древнеарм., вступит. статьи и примеч. К.С. Тер-Давтян. Предисл. и ред. С.С. Аревшатыан. – Ереван, 1983. – С. 27.

⁵⁷ История армянского народа (с древнейших времен до наших дней). Под ред. проф. М.Г. Нерсисяна. – Ереван, 1980. – С. 97.

вые церковно-монастырские и частные школы, содержащиеся на общинные средства⁵⁸.

Важной формой высшего образования и приобщения к достижениям мировой науки и культуры оставалась отправка талантливой молодежи в западные центры науки и просвещения.

Наиболее одаренных юношей направляли в научные и культурные центры Византии, Сирии и Александрии для совершенствования в науках, языках и подготовки к переводческой деятельности.

Важнейшим элементом данной программы являлось обеспечение необходимой церковно-богословской литературой на родном языке. Естественно, что на первых порах речь могла идти о переводной литературе. Поэтому Месроп Маштоц и Саак Партэв со своими многочисленными учениками, получившими прекрасное образование в лучших греческих и сирийских культурных центрах, приступили к переводу основных памятников церковно-богословской литературы, творений отцов церкви и в первую очередь – Библии, дабы «облегчить просвещение своего народа»⁵⁹. Перевод Библии способствовал превращению армянского языка в общенациональный литературный язык, дал официальное признание живому разговорному языку»⁶⁰.

До середины V века армянские переводчики перевели с греческого и сирийского основную церковно-богословскую литературу, в частности, произведения видных христианских писателей – Василия Кесарийского, Иоанна Златоуста, Афанасия Александрийского, Евсевия Кесарийского, Ефрема Сирина, Григория Назианзина, Григория Нисского и др. В своей деятельности первая школа переводчиков руководствовалась строгой программой, включающей основные разделы христианской литературы – библику, герменевти-

⁵⁸ История армянского народа (с древнейших времен до наших дней). Под ред. проф. М.Г. Нерсисяна. – Ереван, 1980. – С. 103.

⁵⁹ Корюн. Житие Маштоца. История жизни и смерти блаженного мужа, святого, Вардапета Маштоца, нашего переводчика, (написанная) учеником его Вардапетом Корюном. Пер. с древнеармянского Ш.В. Смбатяна и К.А. Мелик-Огаджаняна. – М., 1962. – С. 23.

⁶⁰ Аревшатян С.С. Формирование философской науки в древней Армении (V-VI вв.). – Ереван, 1973. – С. 35.

ку, апологетику, литургику, патристику, мартирологию и агиографию, канонику, историю⁶¹.

Переводная и оригинальная литература, созданная в первой половине V века, должна была решать конкретные духовно-культурные и политико-идеологические задачи и была направлена главным образом против экспансионистской политики Сасанидского Ирана.

Вместе с тем Месроп Маштоц и Саак Партэв прекрасно понимали, что этого недостаточно, что необходимо расширить фронт борьбы и создать надежный тыл. С целью «создания единого фронта и обеспечения тыла» в деле успешного отражения религиозно-идеологической экспансии со стороны могущественных соседних держав Маштоц приступает к созданию письмен также для иверского и агванского языков и при поддержке правителей и епископов этих стран налаживает школьно-просветительское и переводческое дело, оставив там в качестве наставников и надзирателей своих учеников. В значительной мере этому способствовало то обстоятельство, что церкви этих соседних народов были тесно связаны с Армянской Апостольской церковью и фактически «находились под той же угрозой»⁶².

Укрепив, таким образом, тыл, Маштоц сумел распространить армянские письмена и в византийской части Армении (421–422 гг.), где проживала «другая часть армянского народа»⁶³ добился того, что в армянских церквях богослужение впредь уже совершалось на армянском языке. Тем самым были созданы предпосылки для обеспечения языкового и культурно-духовного единства обеих частей армянского народа, языковой автономности, ослабления вследствие этого влияния греческого языка и литературы, а одновременно, и идейно-политического подчинения.

⁶¹ Мирумян К.А. Очерки по истории армянской педагогической мысли. – Ер: Изд-во ЗАН-ГАК, 2013. – С. 40.

⁶² Абебян М. Месроп Маштоц и создание армянского алфавита и письменности. // Корюн. Житие Маштоца. – Ереван, 1981. – С. 183.

⁶³ Корюн. Житие Маштоца. История жизни и смерти блаженного мужа, святого, Вардапета Маштоца, нашего переводчика, (написанная) учеником его Вардапетом Корюном. Пер. с древнеармянского Ш.В. Смбатяна и К.А. Мелик-Огаджаняна. – М., 1962. – С. 26.

Итак, был создан широкий фронт борьбы, развернуто мощное культурное движение за идейную и духовную самобытность, что было призвано компенсировать отсутствие государственности, рудиментарность и зыбкость политической независимости.

Благодаря этому христианство, официально принятое в стране столетием раньше, за короткий исторический период превратилось также в господствующую и общенациональную религию, а Армянская церковь стала выразителем и защитником общенациональных интересов, вследствие чего борьба за христианскую церковь и веру в то время правомерно отождествлялась с борьбой за национальную, государственную и политическую независимость. Аварайрская битва (451 г.) явилась материальной формой выражения идейно-политических сдвигов в национальном сознании. Мощный заслон на пути политико-идеологической экспансии заставил Сасанидский Иран отказаться от проводимой им агрессивной захватнической политики, а Армения вскоре приобрела статус самостоятельного государства. Позиции христианства в Армении значительно укрепились, а персидская угроза отошла на второй план.

Таким образом, создание армянского алфавита и письменности было обусловлено не только и не столько потребностями церковного богослужения и распространения христианства, создания христианской литературы на родном языке, то есть сугубо нуждами церкви. «Основные стимулы имели не религиозно-церковный, а национально-религиозно-политический характер, и не следует особо разделять их и выискивать грани различия». Кроме того, изобретение «алфавита было порождено вовсе не необходимостью иметь церковную литературу на родном языке. Национальную письменность и национальную христианскую литературу призвали к жизни политические тенденции пробуждающегося национального самосознания и необходимостью организовать сопротивление надвигающейся опасности»⁶⁴.

⁶⁴ Мирумян К. А. Очерки по истории армянской педагогической мысли. – Ереван. Изд-во ЗАНГАК. – 2013. – С. 42.

Создание армянского алфавита вряд ли правомерно рассматривать и как результат закономерного общественно-политического и социально-экономического развития страны. В период после раздела Армении, потери государственного суверенитета трудно говорить о развитии указанных сфер национальной жизни. Что касается обусловленности создания национальных письмен необходимостью создания христианской церковной литературы на родном языке, то эта проблема была более актуальной особенно после принятия христианства в качестве государственной религии, то есть столетием раньше. Логика армянских политических деятелей и мыслителей шла в противоположном направлении – развернув на базе армянских письмен мощное культурно-духовное и идеологическое движение, обеспечить культурную самобытность нации, гарантию духовной и культурной безопасности. Изобретение национальных письмен должно было послужить основой для развития высоких форм национальной культуры – научной, философской, художественной и др., для подъема национального сознания и самосознания⁶⁵. А это не только культурная, но и общеполитическая задача. Следовательно, стержневым, определяющим фактором был фактор политический, а остальные – производными и вспомогательными.

С 60-х годов V века на первый план выдвигается опасность духовно-идеологической экспансии со стороны Византии. Победа диофиситской партии на Халкедонском соборе (451 г.) повлекла за собой новую волну ожесточенной борьбы с монофиситскими церквами⁶⁶. Армянская церковь, уклонившаяся от официального объявления своей позиции и следовавшая решениям первых трех Вселенских соборов, фактически находилась в поле критики диофиситов. Усиление конфессиональных споров внутри христианского мира, экспансионистских притязаний со стороны Византии поставили перед армянской церковью новую задачу: определиться в выборе религиозно-

⁶⁵ Аревшатын С.С. К истории философских школ средневековой Армении (XIV в.). – Ер: Изд-во АН АрмССР, 1980. – С. 59.

⁶⁶ Глинка С.Н. Обозрение истории армянского народа. / С. Глинка. – Ереван: Гркери ашхар, 1990. – С. 111.

идеологической и церковно-политической ориентации, выработать соответствующую идейную концепцию.

Однако конфронтация с опытным идейным противником из христианского же лагеря требовала больших духовных и интеллектуальных усилий, логической и философской виртуозности, утонченности мысли, учета тончайших конфессиональных и мировоззренческих нюансов, умения конструировать на этой основе логически стройную и теоретически обоснованную систему воззрений. Армянским идеологам предстояло дать идейно-теоретическое и логическое обоснование своего понимания христологической и тринитарной проблем в рамках того же вероучения. Все это породило необходимость в форсированном развитии таких научных дисциплин как грамматика, риторика, логика, философия и другие, без которых невозможно было дать рациональное осмысление и решение теологических проблем. Что и обусловило «необходимость создания специальной философской и иной светской научной литературы...»⁶⁷.

Предпринятые в этом направлении шаги, однако, были адресованы главным образом потенциальному идейному противнику. Не будучи уверенными в окончательном исходе борьбы между церковно-религиозными партиями внутри империи, армянские идеологи стремились создать прочную теоретическую и духовно-интеллектуальную базу независимо от того, с кем придется иметь дело: с получившим в империи официальный статус диофиситством или все еще сильным монофиситством⁶⁸. Важно было другое: быть идейно и теоретически подготовленным к конфессиональным спорам с греческими теологами, независимо от того с кем придется иметь дело, к защите идейных основ национальной церковно-религиозной концепции, духовно-идеологического суверенитета.

⁶⁷ Аревшатыан С.С. Формирование философской науки в древней Армении (V-VI вв.). – Ереван, 1973. – С. 43.

⁶⁸ Мирумян К.А. Культурная самобытность в контексте национального бытия. – Ереван, 1994. – С. 59.

Естественно, что в свете указанных задач армянские теоретики не могли довольствоваться тем античным наследием, которое они получали из вторых рук. Необходимо было самим непосредственно обратиться к сокровищнице античной мысли. Эта задача была выполнена армянской грекофильской (эллинофильской) школой, представители которой — Давид Керакан (V в.), Лазар Парбеци (V в.), Мовсес Хоренаци (V в.), Давид Анахт (V-VI вв.), Анания Ширакаци и многие другие, получили блестящее для своего времени образование в научных и культурных центрах эллинистического мира Александрии, Эдессе, Константинополе, Афинах⁶⁹.

Деятельность грекофильской школы охватывает почти три столетия: с середины V века до 20-х годов VIII века⁷⁰. За это время были переведены десятки сочинений выдающихся мыслителей античности, часть которых сохранилась только в армянском переводе, и созданы десятки оригинальных трудов. Благодаря грекофильской школе были заложены основы светского направления в армянской теоретической мысли, проделана огромная работа по разработке и кристаллизации научно-философской, естественнонаучной и грамматико-эстетической терминологии.

Деятельность грекофильской школы шла в следующих основных направлениях:

Переводческая, предполагающая наличие национальной письменности. Она находится в прямой зависимости от того, какие цели преследовались, какие задачи ставились и решались, насколько глубоко она затрагивала научно-философские и культурные традиции, тип и стиль мышления, систему школьного образования, потребности культурно-исторического и духовно-интеллектуального развития народа.

При наличии разработанной национально-культурной программы переводческая деятельность обычно носит целенаправленный и системный ха-

⁶⁹ История армянского народа (с древнейших времен до наших дней). Под ред. проф. М.Г. Нерсисяна. – Ереван, 1980. – С. 134.

⁷⁰ Мовсесян А.Х. Из истории армянской школы и педагогики (с начала до XVIII века). / А.Х. Мовсесян. – Ереван: Митк, 1968. – С. 46.

рактар, что, в свою очередь, предполагает всестороннее и основательное знание античного наследия, подбор подлежащих переводу памятников, отвечающих потребностям интеллектуально-образовательной жизни страны. Таким образом, составление программы, выбор и сам процесс перевода требовали высокой языковой и философской культуры, творческого подхода, свободного «лабиринта» в богатейшем античном наследии.

Как и предшествующая школа армянских переводчиков, грекофилы следовали четкой программе. Однако, в отличие от первых переводчиков, грекофилы в своей деятельности опирались на античную классификацию наук, в частности, аристотелевскую, которая впоследствии послужила основой системы средневекового образования в Армении и стала доминирующей в учебных и научных центрах того времени⁷¹.

Согласно этой классификации наук человеческое знание включает разумные и практические искусства. Разумные искусства, в свою очередь, подразделяются на грамматику, риторику и диалектику (логику), то есть предметы «тривиума» (trivium), составившие основу средневекового гуманитарного образования – первую ступень высшего образования. Философия состояла из двух частей – теоретической и практической. Теоретическая философия делилась на физику (естествознание), математику и метафизику (теологию). Математика в свою очередь включала арифметику (теорию чисел), музыку (теорию), геометрию и астрономию. Эти четыре математические дисциплины – предметы «квадривиума» (quadrivium) или «точных наук» того времени – составили вторую ступень системы средневекового высшего образования. Практическая же философия делилась на этику, экономику и политику. В такой же последовательности шло и изучение указанных дисциплин в средневековых высших школах. Предметы «тривиума» и «квадривиума» составили основной стержень высшего образования и в эпоху высокого средневековья, в том числе в средневековых армянских университетах.

⁷¹ Мовсесян А.Х. Из истории армянской школы и педагогики (с начала до XVIII века). / А.Х. Мовсесян. – Ереван: Митк, 1968. – С. 48.

Поэтому не случайно, что первым переводным памятником оказалось «Искусство грамматики» греческого ученого II века до н. э. Дионисия Фракийского. Однако этот факт свидетельствует не об отсутствии грамматических знаний в армянской действительности, а «о создании армянской грамматической науки в той новой системе образования, которая вводилась в научную и школьную жизнь как обязательная дисциплина»⁷². Затем был переведен риторический сборник «Книга хрий» («Книга пользы»), который сохранился лишь в армянском переводе.

Армянские грекофилы, получившие первоклассное эллинистическое образование, и в совершенстве владевшие армянским, греческим и сирийским языками, перевели значительное количество произведений античной науки, философии и литературы, что послужило основой для разработки армянской научной и философской терминологии, создания оригинальной научно-философской литературы и организации учебно-образовательного процесса⁷³. Это, в свою очередь, стимулировало арменизацию переводимых памятников, что, в частности, проявилось в замене греческого иллюстративного материала армянским, во включении целых пассажей, приближающих текст к армянской действительности и способствующих его лучшему восприятию и усвоению национальным сознанием.

Особую ценность представляют переводы тех памятников античности оригиналы которых или утеряны, или же сохранились в неполном и искаженном виде. К числу утерянных оригиналов относятся: семь работ Филона Александрийского (I в. до н. э. – I в.) – «О провидении», «О разуме животных», «Толкование Бытия», «Толкование Исхода», «О Самсоне», «О Ионе», «О Боге», анонимные толкования «Категорий» и «Об истолковании» Аристотеля, «О природе», «Ритор, О природе», «Философские определения», «Доказательство (или толкование) апостольской проповеди» Иренея (II в.), «Опро-

⁷² Симонян П.Р. Очерки по истории армянской школы и педагогической мысли. – Ереван, 1971. – С. 71.

⁷³ Мовсесян А.Х. Из истории армянской школы и педагогики (с начала до XVIII века). / А.Х. Мовсесян. – Ереван: Митк, 1968. – С. 51.

вержение решений Халкидонского собора» Тимофея Элур (Александрийского)⁷⁴.

Среди работ, греческий оригинал которых дошел до нас не полностью и в искаженном виде, следует выделить «Прогимназмы» Теона Александрийского (в греческом оригинале не достаёт последних четырех глав), сборник риторических произведений «Книгу хрий».

Ряд армянских переводов философско-логических произведений античности принадлежит к числу древнейших в мире. Так, армянский перевод «Введения» Порфирия является вторым после латинского, выполненного в IV веке Марием Викторином. Затем следует сирийский перевод Сергия Решайнского (ум. в 536 г.) – ученика Иоанна Филопона, за ним — арабский (IX в.). Армянские переводы «Категорий» и «Об истолковании» Аристотеля сделаны одновременно с первыми латинскими переводами Боэция и первым сирийским переводом «Об истолковании»⁷⁵.

Значение древнеармянских переводов не ограничивается их культурно-исторической ценностью. Благодаря принципу материального перевода, высокой философской и переводческой культуре, а также блестящему знанию языков армянские грекофилы обеспечили высочайшую точность переводов, что позволяет исследователям на их основе уточнить многие греческие оригиналы, в частности, сочинений Аристотеля, Порфирия, псевдоаристотелевских работ «О мире» и «О добродетели»⁷⁶. Вместе с тем переводы целиком или частично утраченных греческих оригиналов приобретают значение первоисточников, без которых ряд страниц мирового историко-философского и вообще культурного процесса невозможно осветить.

Анализ переводной продукции грекофильской школы позволяет нам выделить следующие три группы:

⁷⁴ Аревшатын С.С. Формирование философской науки в древней Армении (V-VI вв.). – Ереван, 1973. – С. 141-210.

⁷⁵ Там же. – С. 212.

⁷⁶ Езник Кохбацци. Книга опровержений. / Пер., предисл. и примеч. В.К. Чалояна. – Ереван, 1968. – С. 135.

1) выдающиеся памятники античной научно-философской мысли (Аристотеля, Платона, Дионисия Фракийского, Филона Александрийского, Порфирия и др.);

2) произведения раннехристианских мыслителей, не порвавших с традициями античного теоретического мышления (Кирилл Александрийский, Григорий Нисский, Василий Кесарийский, Немесий Эмесский и др.);

3) философско-богословские трактаты известных теоретиков христианства (Тимофей Элур, Евтихий Константинопольский и др.)⁷⁷.

Многогранная и плодотворная деятельность грекофильской школы в упомянутых направлениях способствовала включению античного научно-философского и культурного наследия в контекст формирующейся армянской христианской культуры, превращению его в достояние национальной теоретической мысли и культурологического мышления, обогащению учебно-литературной базы армянских школ, особенно высшего типа. В армянскую действительность были привнесены важнейшие достижения античной науки, философии и литературы – сочинения Аристотеля, Платона, Филона Александрийского, Порфирия, Дионисия Фракийского и др., создана богатая и самобытная историческая, грамматическая, философская, риторическая, натурфилософская литература, разработана соответствующая научная терминология⁷⁸. Светское направление в армянской культуре рассматриваемого периода, в том числе и научно-философском мышлении, отодвигало на второй план церковно-богословское.

Однако сказанное отнюдь не означает, что лишь в этот период и благодаря грекофильской школе армянская интеллигенция стала приобщаться к античной науке и культуре. С трудами античных авторов образованная часть армянского общества была хорошо знакома задолго до создания армянской письменности, тем более деятельности грекофильской школы. Речь идет

⁷⁷ Аревшатян С.С. Формирование философской науки в древней Армении (V-VI вв.). – Ереван, 1973. – С. 216.

⁷⁸ Днепров Э.Д. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. / Отв. Ред. Э.Д. Днепров. – М.: педагогика, 1989. – С. 293.

здесь, с одной стороны, об усвоении и распространении наследия античности на базе национальной письменности как в научных, так и учебно-просветительских целях и адресованного более широким слоям общества, с другой стороны, о включении этого наследия в новую мировоззренческую, идеологическую, культурную, морально-психологическую, школьно-образовательную систему ценностей, принципов и норм, обусловленных в свою очередь политико-идеологическими процессами и связанного с ними исторического акта принятия христианства.

В V-VII веках произошли определенные сдвиги в области преподавания «семи свободных искусств»: предметов тривиума – грамматики, риторики и логики и наук квадравиума – арифметики (теории чисел), геометрии, музыки (теории музыки) и астрономии. Важную роль в деле внедрения «квадравиума» в систему высшего школьного образования сыграла естественно-математическая школа Анания Ширакаци⁷⁹.

Церковно-монастырские школы были доминирующими вплоть до IX века, то есть до создания Багратидского царства. В этот период светская школа отступила на второй план, а в некоторых областях и вовсе перестала функционировать. Содержание образования, обучения и воспитания в них в основном носило религиозно-этический характер⁸⁰.

С конца IX века вновь открываются светские школы. Государство само организовывало и финансировало школьное дело, определяло круг изучаемых предметов, всячески заботилось о распространении образования и просвещения. Существенному изменению подверглось содержание образования и обучения. Наряду с доминирующими в системе образования «тонкими» (или «внутренними»), то есть духовными науками, большое внимание начинают уделять изучению также «внешних» (светских) наук – грамматики, ло-

⁷⁹ Мирумян К.А. Научно-педагогическая деятельность и учебно-образовательная концепция Анания Ширакаци. // Вестник РАУ: гуманитарные и общественные науки. – 2012. – № 2. – С. 5

⁸⁰ История армянского народа (с древнейших времен до наших дней). Под ред. проф. М.Г. Нерсисяна. – Ереван, 1980. – С. 158.

гики, философии, естественно-математических дисциплин, медицины, теории календаря и т. д.

Существовавшие в раннесредневековой Армении различные школы можно классифицировать следующим образом. По характеру они делились на духовные и светские, по форме – на государственные, общинные, монастырские, церковные, частные – домашние, по степени – на начальные (элементарные), средние и высшие. К светским школам относились государственные, общинные, частные, к духовным – монастырские и церковные.

Идеологи армянского народа сознавали, что стремление к национально-культурной самобытности можно осуществить только путем усвоения общечеловеческих ценностей, но проведя их через призму национального сознания и систему национальных ценностей, творчески переосмысливая их и включая в контекст задач, периодически встающих перед нацией и ее идеологами. Только в этом случае возможно создать действительно самобытную национальную культуру – жизнеспособную и действенную, способную решать разнородные проблемы национального бытия.

В V—VII веках в Армении наблюдается усиление эллинистического начала, светской культуры. Даже тогда, когда при Юстиниане I Великом (527-562 гг.) в Восточно-Римской империи был положен конец эллинистическим традициям (в 529 г. был закрыт последний центр эллинистической культуры и образования – Афинская академия)⁸¹, в Армении они не только не были прерваны, но и получили новый импульс развития. Данное явление, как правило, объясняется следующими факторами:

– Наличием в Армении многовековых эллинистических традиций, охватывающих различные сферы общественной и культурной жизни страны, системы государственного устройства и правления⁸².

⁸¹ История армянского народа (с древнейших времен до наших дней). Под ред. проф. М.Г. Нерсисяна. – Ереван, 1980. – С. 164.

⁸² Мирумян К.А. Становление естественнонаучной мысли в Армении. – Ереван, 1991. – С. 53.

– Тем, что эти традиции выступали как средство для эффективной идейно-теоретической борьбы против халкедонитов, как реакция «на углубляющуюся вероисповедную и вообще идеологическую борьбу армян с византийцами»⁸³.

– Усиление духа античности в период его упадка в Восточно-Римской, что обеспечивало научно-философскую и вообще культурную автономность, самобытность, независимость от византийской теоретической мысли и что прикрывало еще один, хотя и весьма опосредованный канал идейно-теоретического влияния и духовного подчинения могущественного соседа.

Наличие указанных факторов обеспечило Армении то специфическое место, которое она занимает в истории цивилизации по отношению к античному наследию и формам его усвоения и развития. В самом деле, «V—VII вв. были временем, когда в древнем мире единственным хранителем синтезированной с христианской культурой» античной культуры являлась Армения. Они же явились теми стимулирующими причинами, которые привели к тому, что «в культурном развитии феодализирующейся Армении не было перерыва и резкого отрыва христианской культуры от «языческой» — эллинистической культуры»⁸⁴.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что V—VII века являются переходными в культурном развитии Армении. Именно в этот период происходит своеобразный синтез национального, античного и христианского начал, в результате чего формируется самобытная национальная культура с сильно выраженным античным духом. Подобную направленность армянской культуры, как уже отмечалось, трудно объяснить одним лишь культурным фактором, прогреческой культурной ориентацией.

⁸³ Аревшатян С.С. Формирование философской науки в древней Армении (V-VI вв.). – Ереван, 1973. – С. 142.

⁸⁴ Культура Византии (IV— первая пол. VII в.). – М., 1984. – С. 10.

1.2. Выдающиеся деятели школы и педагогики. Педагогическая мысль в Армении в V-X веках

Почти все крупные мыслители и педагоги, а также общественно-политические и духовные деятели этой эпохи в своих сочинениях в той или иной степени затрагивали важнейшие вопросы образования, обучения и воспитания. Выдающимися представителями культурно-просветительской мысли рассматриваемого периода являются Саак Партэв, Месроп Маштоц, Мовсес Хоренаци⁸⁵, Давид Анахт⁸⁶, Анания Ширакаци⁸⁷, Степанос Сюнеци, Анания Нарекаци и др. В своих воззрениях они акуммулировали педагогические идеи того или иного исторического отрезка, той или иной школы или идейного направления. Разумеется, развитие педагогической мысли как по форме, так и по содержанию не всегда протекало по восходящей линии, а было обусловлено конкретными социально-политическими и историческими условиями в политической истории страны.

СААК ПАРТЭВ

Саак Партэв (338-439 гг.) – выдающийся деятель культурно-просветительского движения, развернувшегося в Армении в конце IV-начале V века, «первый учитель» армянской письменности и «первый переводчик». Будучи католикосом Армении он в своей многогранной деятельности уделял большое место проблемам воспитания и просвещения, которые были подчинены одной цели: сделать христианское учение доступным и понятным для широких народных масс. В сохранившихся «Канонах Саака Партэва» отмечается, что «школы в монастырях, церквях и других достойных местах»

⁸⁵ Мовсес Хоренаци (Моисей Хоренский; 5 в.). История Армении. / Соч. Моисея Хоренского; Пер. с арм. и объяснил Н. Эмин. – Москва: тип. Каткова и К°, 1858. – 384 с.

⁸⁶ Давид Анахт. Сочинения. / Сост., пер. с древнеарм., вступ. статья и примеч. С.С. Аревшатыана. – М., 1980. – 262 с.

⁸⁷ Анания Ширакаци. Космография. / Пер. с древнеарм., предисл. и комм. К.С. Тер-Давтян и С.С. Аревшатыана. – Ереван, 1962. – 398 с.

должны стать очагом просвещения народа⁸⁸, ибо от уровня организации школьного дела зависит и дело просвещения.

Он ратует за широкое распространение образования и просвещения. Это в первую очередь касается священнослужителей – учителей и духовных наставников. Просвещенность и любовь к наукам – обязательное условие для духовных чинов всех уровней, так как от этого зависит просвещение всего народа. Невежественные священники не достойны этого сана. На возражение некоторых духовных лиц, что они «сами мол не обучены и поэтому детей своих не отдают в школу»⁸⁹, Саак отвечает: «Выкиньте из себя впредь подобное бесчестие и детей своих отдавайте в школу и знайте: дабы стали они сведущими, совершенными в науках, ибо как слепота глаз противна телу, также и невежество души противно Богу, особенно это касается священников...»⁹⁰.

Саак Партэв в некоторых своих канонах касается упорядочения супружеских взаимоотношений. Он требует, чтобы молодые люди по своей воле вступали в брак, предварительно познакомившись и близко узнав друг друга, чтобы священники всячески препятствовали вмешательству родителей в супружеские дела своих детей и самолично убедились бы в этом. Это предписание было продиктовано самой жизнью, так как «от подобных беспорядков множество бед наступило в стране – духовных и телесных»⁹¹.

МЕСРОП МАШТОЦ

Месроп Маштоц (362-440 гг.) – гениальный ученый и мыслитель, духовный деятель, создатель армянского алфавита и письменности, основатель первых армянских школ, «первый учитель» и «первый переводчик». О многогранной деятельности этого великого подвижника на ниве просвещения и образования было сказано выше. Здесь лишь отметим, что на склоне лет, не будучи уже в состоянии непосредственно выступать перед народом, он стал

⁸⁸ Армянская книга канонов. Т. 1. / Предисл., научно-критич. текст и примеч. В. Акопяна. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1964. – С. 372.

⁸⁹ Там же. – С. 375.

⁹⁰ Там же. – С. 377.

⁹¹ Там же. – С. 382.

сочинять поучительно-назидательные речи, размноженные списки которых рассылались во все концы Армении. Таким способом он поддерживал духовную связь с народом. Эти речи сохранились под названием «Многовещательные речи», основная цель которых просветить народ христианским вероучением и направить по пути истины. Так как только человек, наделенный разумом и свободой воли, может по своему усмотрению стремиться как к добру, так и к злу, ибо лишь ему «дана свобода воли, дабы он поступал, как пожелает»⁹².

Маштоц выдвигает и обосновывает идею о необходимости не только избежания зла и стремления к добру, но и активного сопротивления злу, что в первой половине V века, приобретало особое, как социальное, так и национальное, звучание, ибо «идея сопротивления злу, с целью его пресечения и искоренения, являлась выражением назревшей схватки с иноземными захватчиками», которая была развита его учеником Езником Кохбацци⁹³.

Согласно Маштоцу, процесс обучения, как и постижение внешнего мира, есть длительный и многоступенчатый процесс. Всевышний устроил мир по образцу большой школы, дабы человек сумел научиться постепенно познавать окружающую природу, и тем самым приблизиться к божественной сущности. Кроме того, Бог создал все условия для легкого обучения в этой школе. С этой целью «само познание созданных творений он устроил наподобие обучения знакам письменности и дал им наименования, дабы наименования давали возможность отличать буквы друг от друга»⁹⁴. Следовательно, по Маштоцу, методы и способы познания мира совпадают с методами и способами процесса школьного обучения. Они составляют единый процесс, направленный на постижение божественной сущности.

⁹² Агатангелос. История Армян. / Пер., вступит. статья и примеч. К.С. Тер-Давтян и С.С. Аревшатыан. – Ереван, 2005. – С. 140.

⁹³ Аревшатыан С.С. Формирование философской науки в древней Армении (V-VI вв.). – Ереван, 1973. – С. 66.

⁹⁴ Многовещательные речи св. отца нашего блаженного Григора Лусаворича. / Изд.: А. Тер-Микелян. Вагаршапат, 1894. Пер. с древнеарм., предисл. и комм. К.С. Тер-Давтян и С.С. Аревшатыан. – Ереван, 1962. – С. 69.

Хотя человек – единственное существо, наделенное разумом и познающим интеллектом, однако таковым он является лишь в возможности, в потенции. Это всего лишь естественная способность, заложенная в человеке. Поэтому мыслительно-познавательная способность человека проявляется не сразу. Актуализация этой прирожденной способности непосредственно связана, по Маштоцу, с возрастным, воспитательным и образовательным факторами. При этом, каждый возраст человека требует разработки соответствующих форм и методов воспитания и обучения. Раскрытие и развитие потенциальных интеллектуально-познавательных способностей находится в прямой зависимости от уровня воспитания и обучения. «Когда тело, – пишет Маштоц, – благодаря питанию растет и переходит в совершенный возраст, с помощью обучения искусствам, назиданий учителей по мере роста тела разумная и мыслящая душа соответственно проявляет знание и мудрость»⁹⁵. Воспитание, обучение и познание внешнего мира, в своей совокупности, способствуют развитию и совершенствованию мыслительно-познавательной способности и деятельности, а тем самым и знаний.

Таким образом, цель воспитательно-образовательной деятельности человека, согласно Маштоцу, заключается в соответствующей подготовке молодых людей к изучению мира и на этой основе, к постижению сущности творца. В этом – основное содержание и направленность научно-просветительской и проповеднической деятельности Маштоца.

МОВСЕС ХОРЕНАЦИ

Вопросы просвещения, обучения и воспитания нашли отражение и в трудах армянских историков V века – Корюна⁹⁶, Егише⁹⁷, Мовсеса Хорена-

⁹⁵ Многовещательные речи св. отца нашего блаженного Григора Лусаворича. / Изд.: А. Тер-Микелян. Вагаршапат, 1894. Пер. с древнеарм., предисл. и комм. К.С. Тер-Давтян и С.С. Аревшатяна. – Ереван, 1962. – С. 150.

⁹⁶ Корюн. Житие Маштоца. История жизни и смерти блаженного мужа, святого, Вардапета Маштоца, нашего переводчика, (написанная) учеником его Вардапетом Корюном. Пер. с древнеармянского Ш.В. Смбатяна и К.А. Мелик-Огаджаняна. – М., 1962. – 70 с.

⁹⁷ Егише. О Вардане и о войне Армянской. / Пер. с древнеарм. И. Орбели./ Подг. к изд., предисл. и примеч. К.Н. Юзбашяна. АН АрмССР. Ин-т литературы им. М. Абеяна. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1971. – 192 с.

ци⁹⁸, Лазара Парбеци и др., являющихся идеологами начатого Маштоцем и Партэвом культурно-просветительского движения и глубоко осознававших значение этих факторов в деле сохранения самобытности народа и его борьбы за национальную независимость.

Наиболее полно эти идеи воплотились в творчестве Мовсеса Хоренаци (ок. 410 – конец V в.) – выдающегося мыслителя и просветителя, отца армянской историографии, одного из основателей и крупнейших представителей армянской грекофильской школы. Он вместе с Давидом Анахтом стоит у истоков светского направления в армянской теоретической мысли и внес существенный вклад в разработку научно-философской, исторической и грамматико-эстетической терминологии. Получил образование в Вагаршапатской школе Саака Партэва и Месропа Маштоца, по окончании которой в числе других одаренных юношей был отправлен в Александрию для углубления в классических науках того времени и приобретения соответствующих знаний и навыков для переводческой работы. Он побывал также в Эдессе, Италии, Афинах. По возвращении на родину Хоренаци, несмотря на сложившиеся в стране неблагоприятные условия, развернул культурно-просветительскую, переводческую и научно-литературную деятельность⁹⁹.

Венцом многолетнего труда и всей его научной деятельности явилась знаменитая «История Армении», завершенная накануне нового антиперсидского народного восстания (80-е годы V в.) и написанная на основе разработанной им научно-исторической и философско-политической концепции.

Автор, проникнутый высоким чувством гражданского долга и патриотизма, стремится примерами героического прошлого своего народа воодушевить соотечественников в настоящем, внедрить в их сознание и воспитать в них чувство национального достоинства и патриотизма, вооружить их идеей национальной и государственной независимости, показать глубокую древ-

⁹⁸ Мовсес Хоренаци (Моисей Хоренский; 5 в.). История Армении. / Соч. Моисея Хоренского; Пер. с арм. и объяснил Н. Эмин. – Москва: тип. Каткова и К°, 1858. – 384 с.

⁹⁹ Мирумян К.А. Очерки по истории армянской педагогической мысли. – Ер: Изд-во ЗАНГАК, 2013. – С. 67.

ность и культурную самобытность народа в ряду других древних и цивилизованных народов, убедить широкие массы, что всенародная борьба во имя свободы и независимости своей страны не только правомерна и необходима, но и оправдана всем ходом истории. «Мы хотя народ небольшой, – пишет Хоренаци, – весьма малочисленный, слабосильный, и часто находившийся под чужим господством, однако и в нашей стране много совершено подвигов мужества, достойных внесения в летописи (подвигов)...»¹⁰⁰.

Обращение к историческому прошлому – не самоцель, оно всегда имеет актуальное воспитательное значение, ибо прошлое должно служить уроком, наказом, предупреждением, образцом для подражания в настоящем и грядущем. Хоренаци выполнил эту важнейшую задачу: его труд на протяжении многих столетий являлся основным учебным пособием по истории в средневековых армянских школах и университетах, по нему обучалось и на нем воспитывалось не одно поколение армянской молодежи, к нему апеллировали, как к достоверному первоисточнику, и ему подражали многие армянские историки.

Хоренаци – убежденный сторонник распространения просвещения и образования, развития наук и искусств. Он считает, что при необходимости менее развитые в тех или иных областях науки и культуры народы должны обращаться к «помощи» других, более цивилизованных народов, приобщаться к их духовным и культурным ценностям¹⁰¹, усвоить их исходя из потребностей интеллектуального развития своего народа. Величие царей и полководцев, по мнению Хоренаци, их место в истории определяется не только одержанными военными победами, но и их ролью в процессе развития образования и культуры, в увековечивании в книгах событий в жизни страны¹⁰², что становится источником знаний, образцом подражания, важным средст-

¹⁰⁰ Мовсес Хоренаци (Моисей Хоренский; 5 в.). История Армении. / Соч. Моисея Хоренского; Пер. с арм. и объяснил Н. Эмин. – Москва: тип. Каткова и К°, 1858.. – С. 4-5.

¹⁰¹ Там же. – С. 2-3.

¹⁰² Там же. – С. 4.

вом в воспитании потомков. Все это, однако, предполагает мирную жизнь, ибо войны препятствуют делу просвещения.

По Хоренаци только теоретически хорошо подготовленный и морально безупречный человек имеет право быть учителем и наставником. Он особо подчеркивает значимость народного языка в деле распространения просвещения и воспитания: «Эту Историю мы изложили языком общеупотребительным, дабы читатели не ища красноречия, полюбив правдивый наш рассказ, чаще и чаще и с жадностью предавался чтению отечественной нашей истории»¹⁰³.

Хоренаци перевел на армянский язык «Повесть о Александре Македонском» Псевдо-Каллисфена, «Книгу Хрий», основу которой составляло «Риторическое искусство» Афтония. Данный сборник по риторике был спасен и сохранен для науки благодаря армянскому переводу, ибо греческий текст не сохранился.

ДАВИД АНАХТ

Давид Анахт (Непобедимый) (70-е гг. V в. – сер. VI в.) – великий армянский философ, просветитель и педагог, крупнейший представитель армянской грекофильской школы. Родился в селе Нергин Таронской области (Западная Армения). Поэтому он часто именуется Нергинаци. С целью продолжения учебы он с группой юношей был отправлен в Александрию, где обучался в философской (неоплатонической) школе Олимпиодора Младшего. По завершении учебы он остается в школе Олимпиодора и посвящает себя научно-педагогической работе.

На этом поприще Давид достиг выдающихся результатов, становится одним из крупнейших оригинальных философов школы. Давид побывал также в Афинах и Константинополе, участвовал в философских диспутах с видными философами эпохи. Благодаря своему философскому гению и победам

¹⁰³ Мовсес Хоренаци (Моисей Хоренский; 5 в.). История Армении. / Соч. Моисея Хоренского; Пер. с арм. и объяснил Н. Эмин. – Москва: тип. Каткова и К°, 1858. – С. 143.

на философских диспутах он удостоился почетного титула «Непобедимый философ»¹⁰⁴. В латинской литературе он известен под именем Давида Айказна (Армянина).

В отличие от других представителей Александрийской школы, дух античного мышления, эллинистическая направленность, способы философствования, присущие философии Давида, противоречили политике Византийской империи в области науки и образования, господствующей там официальной духовно-культурной и идейной атмосфере. Известно, что в этот исторический период византийские императоры последовательно закрывали эллинистические центры науки и культуры (в 529 г. император Юстиниан Великий закрыл последний оплот эллинизма в империи – Афинскую философскую школу), преследовали представителей эллинистической науки и культуры, которые вынужденно переезжали в Армению и Иран (как и в эпоху Тиграна Великого). Думается, что именно эти обстоятельства сыграли определяющую роль в деле возвращения Давида в Армению.

По возвращении в Армению он развернул научно-просветительскую деятельность с целью приобщить армянскую интеллигенцию к светским научно-философским знаниям, что вызвало недовольство в кругах ортодоксального духовенства. На склоне лет он был вынужден переехать в Ахпатский монастырь, где спустя два года скончался¹⁰⁵. Армянская церковь причислила его к лику святых и канонизировала его сочинения.

Письменное наследие Давида включает следующие произведения: «Определения философии», «Анализ Введения Порфирия», «Толкование Аналитики Аристотеля» и «Толкование Категорий Аристотеля»¹⁰⁶. Труды Давида, за исключением «Толкования Аналитики», сохранились на греческом и армянском языках. Именно благодаря греческим спискам его труды

¹⁰⁴ Аревшатян С.С. Давид Непобедимый – выдающийся философ Древней Армении. – М., 1980. – С. 9.

¹⁰⁵ Там же. – С. 27.

¹⁰⁶ Анонимное Толкование «Категорий» Аристотеля. / Пер. с древнеарм. С.С. Аревшатяна. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1961. – 319 с.

оказали значительное влияние на развитие западной и восточной философской мысли вплоть до XV века.

Давид впервые в армянской педагогической мысли выдвинул законченную модель средневекового высшего образования, стержнем которой является изучение «семи свободных искусств» (*septem artes liberales*). Система высшего образования состоит из двух ступеней.

Процесс познания мира (и обучения), по Давиду, предполагает поэтапный переход от чувственно-конкретного к бестелесному и затем к абсолютно нематериальному. Данная гносеологическая установка и определяет очередность изучения наук: естествознание (физика) – математика-метафизика (или теология). Как в философском, так и в педагогическом плане здесь следует отметить акцентирование необходимости связующего звена между двумя крайностями, невозможности прямого перехода от одной полярности к другой. Это – один из основных принципов давидовской классификации наук, которая одновременно «легла в основу средневекового образования и способствовала кристаллизации различных отраслей знания»¹⁰⁷ в Армении, так как она отражала также основные этапы процесса обучения, программу и содержание изучаемых наук.

Знание Анахт подразделяет на разумное и практическое. Разумное искусство (знание) состоит из двух ступеней – низшего и высшего. Первая ступень включает предметы тривиума, то есть грамматику, риторику и логику (или диалектику), которые составляли цикл гуманитарных наук¹⁰⁸. При этом следует иметь в виду, что как Давид, так и многие средневековые теоретики изучение наук «тривиума» считали первой ступенью высшего образования, а не подготовительным этапом к высшему образованию, как иногда полагают ученые. Они являются «подготовительным» этапом сугубо в рамках системы высшего образования, как необходимого условия для перехода ко второй

¹⁰⁷ Аревшатян С.С. Давид Непобедимый – выдающийся философ Древней Армении. – М., 1980. – С 28.

¹⁰⁸ Там же. – С. 29.

ступени. Вторая ступень включает формальную (или высшую) логику, теоретическую и практическую философии.

Процесс обучения начинается с изучения грамматики, после чего приступают к риторике и наконец к логике, которая с одной стороны завершает цикл предметов первой ступени, а с другой – создает предпосылки для усвоения цикла высшей ступени, то есть философских наук. Каждая дисциплина второго цикла в свою очередь делится на три части. Так, формальная логика делится «на то, что следует изучить прежде доказательства, то есть до приемов (или средств) логических операций, на сами доказательства и на то, что входит в доказательства»¹⁰⁹. Высшая формальная логика одновременно является и частью философии и ее орудием. Именно благодаря логике выявляется истина в теоретической философии, и добро в практической. Теоретическая философия подразделяется на естествознание, математику и метафизику (теологию). Математика же делится на арифметику (теорию чисел), музыку (теорию или гармонию), геометрию и астрономию.

Обучение теоретической философии начинается с естествознания, потому что его содержание более близко людям и легкодоступно для усвоения, так как естествознание имеет дело с изучением материальных предметов и явлений. Оно изучает вопросы возникновения и гибели предметов и явлений подлунного (материального) мира, «общую природу вещей», растительный и животный миры, процессы, происходящие на земле и под землей¹¹⁰.

Очередность математических дисциплин в классификации наук Давида, соответственно и в учебно-образовательной программе, обусловлена предпочтительностью того или иного вида количества, лежащего в основании математического знания. Так преподавание арифметики и музыки предшествует геометрии и астрономии, так как они образуются на основе прерывного количества, а прерывное количество предпочтительнее непрерывно-

¹⁰⁹ Давид Анахт. Сочинения. / Сост., пер. с древнеарм., вступ. статья и примеч. С.С. Аревшатяна. – М., 1980. – С. 95.

¹¹⁰ Там же. – С. 96.

го. А преподавание арифметики предшествует изучению музыки, так как отдельно взятое количество (объект арифметики) предшествует количеству, взятому в связи (объект музыки). В свою очередь, преподавание геометрии предшествует астрономии, так как неподвижное количество (объект геометрии) предшествует подвижному. Последнее обстоятельство он объясняет тем, что «неподвижное является началом движения»¹¹¹.

После изучения математических дисциплин приступают к изучению метафизики (теологии) как науки о целиком нематериальных, духовных существах.

После изучения частей теоретической философии слушатели приступают к изучению частей практической философии. Практическая философия состоит из этики, экономики и политики и направлена на изучение человеческого поведения, достижение истинно духовного совершенства и добродетели, она «с помощью разума облагораживает нравственность и укрощает страсти»¹¹². Следовательно, части практической философии совпадают с основными общественными дисциплинами.

Таким образом, в учебно-образовательной программе Давида вырисовываются три ступени высшего образования: гуманитарная, естественно-научно-математическая и обществоведческая.

Науки низшей ступени – грамматика, риторика и логика (диалектика) – составили основу средневекового гуманитарного образования (*trivium*), начальный этап обучения, а арифметика, музыка, геометрия и астрономия, т. е. цикл точных наук – высшего образования (*kvadrivium*).

Таким образом, Давид Анахт разработал не только стройную классификацию наук, но и выдвинул целостную, всеобъемлющую программу обучения, которой с определенными сокращениями следовали в высших школах и университетах Армении. Она предусматривала постепенное восхождение

¹¹¹ Давид Анахт. Сочинения. / Сост., пер. с древнеарм., вступ. статья и примеч. С.С. Аревшатыан. – М., 1980. – С. 97.

¹¹² Там же. – С. 103.

от одной дисциплины к другой, от одного уровня знания к другому, более высокому.

Идеи и положения, выдвинутые в трудах Анахта, сыграли определяющую роль в дальнейшем развитии армянской теоретической мысли, легли в основу средневекового образования в Армении, учебно-образовательных программ высших школ и университетов. Последующие армянские мыслители и педагоги опирались на труды Давида, развивали содержащиеся в них ценные теоретические принципы и идеи.

АНАНИЯ ШИРАКАЦИ

Анания Ширакаци (605/10-685/90) – армянский педагог, мыслитель, математик, календаровед, космограф, географ – основоположник естественно-научного направления в армянской теоретической мысли. Родился в селекции Анеанк (или Ширакаван) Ширакской области. Первоначальное образование получил в местной Дпреванской школе, которая наряду с известными школами Сюника, Вагаршапата, Ерасхадзора и др. являлась одним из лучших учебных заведений Армении того времени. Здесь обучали языкам, грамматике, риторике, искусству письма и счета, философским, естественнонаучным, богословским и другим дисциплинам¹¹³. Еще в период обучения Ширакаци приходит к выводу, что глубокое и всестороннее овладение философской наукой невозможно без соответствующей математической подготовки: «Чувствуя в себе недостаток численного искусства, я убедился, что без (знания теории) чисел невозможно изучение философии, считая ее матерью (основой) всех наук»¹¹⁴.

Стремление к совершенствованию своих познаний, более глубокому изучению естественнонаучных и математических дисциплин вынуждает его покинуть родину и путешествовать по разным странам и городам Востока. Он побывал в Карине, Синопе, полгода обучался у математика Крестосатура

¹¹³ Анания Ширакаци. Сочинения. / Изд. и исслед. А.Г. Абрамяна. Пер. В.К. Чалояна. Ереван. – 1957. – С. 206.

¹¹⁴ Фрагменты трудов Анания Ширакаци. / Пер с арм. К. Патканяна. – СПб., 1877. – С. 2.

в Четвертой Армении. Разочаровавшись в научно-педагогических познаниях учителя и убедившись, что тот не в совершенстве владеет математической наукой, Ширакаци отправляется в Константинополь. По дороге он встречает своих соотечественников и по их совету едет в Трапезунд к византийскому ученому Тюхикосу, сведущему якобы не только в естественных и математических науках, но и в армянской словесности. В школе Тюхикоса Ширакаци в течение 8 лет изучал предметы «квадривиума», многочисленные рукописи его богатейшей библиотеки по искусству, истории, медицине, церковные и языческие и особенно те, «которые не были еще переведены на наш (армянский) язык»¹¹⁵. Таким образом, Ширакаци основное внимание уделял изучению тех трудов и наук, которые в Армении были мало распространены или же известны в переводах.

Из этих, а также ряда косвенных свидетельств следует, что в деле научного роста Ширакаци определяющую роль сыграли в первую очередь его незаурядный талант, жажда знаний и богатая библиотека Тюхикоса. Кроме того, о Тюхикосе как о великом ученом и педагоге мы узнаем только от Ширакаци¹¹⁶. Возвеличивание византийского ученого, по-видимому, нужно было для того, чтобы обосновать основательность и всеобъемлющий характер своего образования, что в эпоху средневековья было весьма распространенным явлением.

После 11 лет странствований Ширакаци возвращается на родину. С целью передать свои систематические знания молодому поколению он в конце 40-х годов разворачивает бурную научно-просветительскую деятельность, основывает естественно-научно-математическую школу высшего типа, где основное внимание уделялось изучению математических дисциплин – арифметики, музыки (теории), геометрии, астрономии. Здесь обучали также теории календаря, космографии, географии, философии, армянскому языку и др.

¹¹⁵ Анания Ширакаци. Автобиография. / Пер. с древнеарм. яз. К. Патканяна (см. Предисловие к «Армянской Географии VII в.». – СПб., 1877. – С. 29.

¹¹⁶ Там же. – С. 44.

наукам. Возможно, Ширакаци преподавал также богословские науки, однако не сохранились исторические сведения об этом, как и нет сведений о создании им богословских трудов.

До этого времени действующие в Армении школы давали преимущественно гуманитарное образование, которое включало предметы первой ступени средневекового высшего образования (науки тривиума). В отличие от предшествующей системы высшего образования стержень учебно-образовательной программы созданной Ширакаци школы составили математические науки – науки «квадривиума», то есть предметы второй ступени средневекового высшего образования.

Вскоре созданная им школа приобретает большую известность: сюда стекается молодежь из разных краев и областей Армении для получения образования у знаменитого ученого и педагога. Основным принципом подбора слушателей было стремление отроков к светочу знания, их любознательность. «Я не буду препятствовать никому, кто хочет учиться. И это же я завещаю вам помнить всегда, вардапеты: не препятствуйте тем, кто любознателен и желает учиться»¹¹⁷ – вот основной педагогический и социально-гуманистический принцип и требование Ширакаци. Он воспитал и обучил многочисленных учеников, ставших по примеру своего учителя последовательными пропагандистами науки и просвещения в Армении. Естественно, научно-педагогическая и просветительская деятельность Ширакаци, естественно-научная направленность его мировоззрения и созданной им программы обучения вызвали недовольство у части ортодоксальных деятелей армянской церкви¹¹⁸.

Ширакаци жил в эпоху укрепления феодальных отношений, усиления антифеодальных и антицерковных движений в стране, борьбы народа против иноземных завоевателей, являвшихся факторами, способствующими росту

¹¹⁷ Анания Ширакаци. Сочинения. / Изд. и исслед. А.Г. Абрамяна. Пер. В.К. Чалояна. Ереван. – 1957. – С. 209.

¹¹⁸ Мирумян К.А. Очерки по истории армянской педагогической мысли. – Ер: Изд-во ЗАНГАК, 2013. – С. 80.

национального самосознания. Это в свою очередь требовало постановки и разрешения целого ряда актуальных теоретических, практических, а также организационных и дидактических проблем, что было связано также с состоянием действующей в стране школьной системы, особенно ее высшего звена. Хотя в армянских школах и преподавались семь «свободных искусств», но наиболее распространенным было преподавание гуманитарных дисциплин (наук тривиума). Созданная им школа была призвана восполнить пробел, существующий в системе образования, реализовав тем самым одну из назревших социально-культурных потребностей народа, благодаря чему она стала очагом распространения свободолобивых идей и просвещения молодого поколения.

Ширакаци – автор учебников и руководств, снабженных методическими советами и указаниями, почти по всем известным к тому времени наукам.

Поэтому с целью внедрения в систему обучения цикла наук высшего образования Ширакаци написал в соответствии с разработанной им новой учебной программой труд «Кнникон»¹¹⁹, основанный на данных естественнонаучных и математических дисциплин и включающий все основные разделы этих наук. Отдельные части этого программного труда впоследствии рассматривались в качестве самостоятельных произведений, важнейшими из которых являются: «Космография»¹²⁰, «География»¹²¹, «Теория календаря», «Автобиография»¹²², учебник по арифметике, являющийся одним из древнейших памятников подобного рода в истории мировой математической мысли и др.

Известный советский историк арифметики И. Демман в этой связи отмечает, что в смысле древности математической культуры среди народов Со-

¹¹⁹ Матевосян А.С. «Кнникон» Анания Ширакаци. – Вестник общ наук АН Арм. ССР, 1974, №7.

¹²⁰ Анания Ширакаци. Космография. / Пер. с древнеарм., предисл. и комм. К.С. Тер-Давтян и С.С. Аревшатыан. – Ереван, 1962. – 398 с.

¹²¹ Анания Ширакаци. Армянская география VII века. Пер. К. Патканяна. – СПб, 1877. – 71 с.

¹²² Анания Ширакаци. Автобиография. / Пер. с древнеарм. яз. К. Патканяна (см. Предисловие к «Армянской Географии VII в.» – СПб., 1877.

ветского Союза на первом месте армяне¹²³. Так, Ширакаци в своих работах, кроме сугубо математических задач, затрагивает также другие вопросы: о шарообразности земли, затмениях Луны и солнца, полигональных числах, календароведческих расчетов, солнечных часах и все это он выразил в эпоху, когда у европейских народов почти никто не занимался исследованием этих вопросов.

Сохранившиеся отрывки из учебника по арифметике Ширакаци относятся не к теории чисел (науке из цикла квадравиума), а к логистике – сфере практической арифметики – искусству исчисления. Принимая во внимание структурный принцип научных и учебных работ армянского ученого – переход от общего к частному (дедуктивный метод изложения), иными словами – от теоретических основоположений к рассмотрению практически значимых вопросов, можно согласиться с гипотезой И. Орбели, что учебник имел и «теоретическую часть»¹²⁴.

Один из главных принципов научно-педагогического мышления Ширакаци заключается в придании математическому знанию методологической функции. Он высоко оценивает познавательное значение математики и ее статус в системе наук своего времени, считая ее «матерью всех наук»¹²⁵. При этом, говоря «все науки» он имеет в виду науки, изучающие систему природы, поэтому упомянутая характеристика математики не распространяется на теологию. Одновременно это не означает игнорирование теологии как науки, как нередко полагают исследователи. Вместе с тем следует отметить, что в его подходе вырисовывается размежевание сфер теологии и естествознания с математикой.

Поэтому отнюдь не случайно, что одна из особенностей научно-философского и педагогического наследия Ширакаци – связь с жизненными

¹²³ Демман И.Я. История арифметики. – Москва: Издательство «Просвещение», 1965. – С. 17.

¹²⁴ Орбели И.А. Избранные труды. Т.1. – М., 1960. – С. 168.

¹²⁵ Матевосян А.С. «Книжон» Анания Ширакаци. – Вестник общ наук АН Арм. ССР, 1974, №7. – С. 52.

реалиями, практическими потребностями, о чем свидетельствует содержание его математических и географических работ. Мыслитель и педагог в деле формирования человеческой личности решающее значение придавал образованию и воспитанию, не игнорируя при этом роли генетической, прирожденной, способности. С одной стороны, он выступает против абсолютизации роли последней, так как в противном случае умалялось бы значение воспитательного фактора, самосовершенствования. С другой – природные задатки – лишь предпосылки, которые еще следует раскрыть, развить и совершенствовать посредством образования и воспитания. Так зло (в этическом его значении) есть не прирожденное свойство человека, а следствие аномалии или пробела в процессе воспитания и отрицательного влияния окружающей социальной среды¹²⁶. Следовательно, Ширакаци осознает значение не только школьного и индивидуального обучения и воспитания, но и всю значимость социального фактора в вопросе становления морально-духовного облика человека.

Внедрение в школьно-образовательную систему естественных и математических дисциплин требовало разработки целого спектра методических и дидактических подходов и принципов, многие из которых имеют общепедагогическое значение. Поэтому произведения Ширакаци содержат многочисленные методические и дидактические принципы, указания и советы, которые составляют целостную систему. В этом аспекте важное значение приобретает мировоззренческий принцип Ширакаци, согласно которому так как все, весь мир создан для человека, поэтому наука и образование как результат деятельности человеческого разума, также должны служить человеку¹²⁷.

Он разработал новую методику и программу обучения, в частности, естественнонаучных и математических дисциплин. В отличие от действующей на латинском Западе программы (последовательное изучение наук «тривиу-

¹²⁶ Мирумян К.А. Очерки по истории армянской педагогической мысли. – Ер: Изд-во ЗАНГАК, 2013. – С. 83.

¹²⁷ Анания Ширакаци. Автобиография. / Пер. с древнеарм. яз. К. Патканяна (см. Предисловие к «Армянской Географии VII в.» – СПб., 1877. – С. 38.

ма» и «квадривиума»), разработанная Ширакаци система обучения предполагала по завершении изучения наук «квадривиума» вновь обратиться к изучению предметов «тривиума», но уже на качественно ином уровне, с привлечением также ряда других, но тесно связанных с науками «тривиума» и имеющих прикладное назначение дисциплин¹²⁸.

Преподавание любой учебной дисциплины или составление учебного пособия по любой дисциплине (как и изложение научного трактата) необходимо начать с общетеоретического введения, в котором рассматриваются общие проблемы, касающиеся всего содержания данной учебной (и научной) дисциплины. Затем следует обратиться к освещению относительно частных вопросов. Так, в своем труде «География» он пишет: «И вот, так как мы завершили общую часть (науки географии), теперь начнем говорить об отдельных странах»¹²⁹. Этот принцип Ширакаци распространяет также на циклы наук. Так, ряд естественных наук он начинает с «Космографии»¹³⁰, которая включала рассмотрение теоретических основоположений естествознания эпохи в целом и отражала важнейшие разделы (дисциплины) естествознания.

Главная цель обучения – приобщить слушателей к научным истинам. Поэтому преподаваемый материал должен быть достоверным и истинным. Достоверным же и истинным он считает тот пласт знания, который приемлем как для языческой (античной), так и для христианской науки. Таковыми являются также знания, приобретенные опытным путем. Используемые в ходе преподавания наглядные примеры и факты также должны в обязательном порядке быть убедительными.

Из этого принципа следует другое дидактическое требование Ширакаци: нет надобности в систематическом и скрупулезном изложении и преподавании неистинных учений. Тем не менее, необходимо хотя бы вкратце оз-

¹²⁸ Матевосян А.С. «Кнникон» Анания Ширакаци. – Вестник общ наук АН Арм. ССР, 1974, №7. – С. 72.

¹²⁹ Анания Ширакаци. Армянская география VII века. Пер. К. Патканяна. – СПб, 1877. – С. 14.

¹³⁰ Анания Ширакаци. Космография. / Пер. с древнеарм., предисл. и комм. К.С. Тер-Давтян и С.С. Аревшатяна. – Ереван, 1962. – 398 с.

накомить с ними слушателей, чтобы они смогли не только составить общее представление о них, но и имели возможность ознакомиться с характером ошибок и вытекающих из них последствий. Кроме того, предупреждает ученый-педагог, следует учесть и то обстоятельство, что неистинные учения не являются однородными, ибо среди них встречаются как более или менее сносные, так и абсолютно ошибочные. Поэтому в отношении отвергаемых учений необходимо проявлять дифференцированный подход. Вместе с тем лжеучения и лжеучителя часто пытаются восполнить или заменить отсутствие истины красноречием, однако красноречие, по его мнению, никак не может восполнить, а тем более заменить научную истину¹³¹.

Ширакаци занимался также переводческой деятельностью, в частности, сохранились сведения о том, что он перевел на родной язык «Геометрию» Эвклида. К сожалению, текст перевода не сохранился.

Труды Ширакаци ознаменовали завершение процесса формирования естественно-научного направления в истории армянской теоретической мысли и стимулировали его дальнейшее развитие. Новая программа и методика обучения Ширакаци определили пути последующего развития школьного дела в средневековой Армении, в особенности, в эпоху развитого феодализма, когда изучение и разработка естественнонаучного знания получили новый импульс¹³².

Влияние трудов Ширакаци сказалось на воззрениях не только армянских, но и ряда византийских ученых.

Ширакаци вместе с тем был носителем и создателем национально-политических и духовных ценностей, великим патриотом, стремящимся не только повысить уровень научно-философского мышления и учебно-образовательного процесса в Армении, но и воспитать армянскую молодежь

¹³¹ Петросян Г.Б. Из истории математики средневековой Армении (статьи и публикации). – Ер., 1986. – С. 52. На арм. и рус. яз.

¹³² Мирумян К.А. О роли школы и системы образования в контексте национального бытия в эпоху армянского высокого Средневековья. // Вестник РАУ: гуманитарные и общественные науки. – 2011. – № 2. – С. 18.

в патриотическом духе. С этой целью он подобно своим предшественникам обращается к историческому прошлому армянского народа, различным областям национальной жизни. В этом смысле примечательны некоторые его арифметические задачи, где он опосредовано обосновывает необходимость национально-освободительной борьбы народа против иноземных завоевателей и возможность победы, что в условиях арабского владычества приобретало и идейно-политическое звучание и сообщало большой патриотический заряд.

Видным ученым-педагогом VII века был также выпускник Сюникской школы, преподаватель, а впоследствии руководитель этой школы Матусага. Благодаря его крупным организаторско-преподавательским способностям, широкой эрудиции в различных областях научного знания и богословия, школа приобретает большую известность не только в самой Армении, но и далеко за пределами страны.

СТЕПАНОС СЮНЕЦИ

Степанос Сюнеци (ок. 688-735 г.) – выдающийся философ, ученый, богослов, переводчик, композитор и педагог. Первоначальное воспитание и обучение получил в доме армянского католикоса, затем в монастырской школе Макенеац под руководством известного учителя Согомона, после чего обучался в известной Сюникской высшей школе-вардапетаране у Мовсеса Сюнеци¹³³.

Он преуспел также в «музыкальном искусстве». Получив основательное образование он по окончании стал сам обучать учеников школы. С целью углубления и совершенствования своих познаний в области «внешних» (светских) наук Степанос побывал в Афинах, Константинополе, Риме, основательно изучил «всю философскую науку внешних мудрецов», тексты «Св.

¹³³ Источники по истории высших школ средневековой Армении (XII-XV вв.). / Пер. с древнеарм., вступит. статьи и примеч. К.С. Тер-Давтян. Предисл. и ред. С.С. Аревшатяна. – Ереван, 1983. – С. 71.

писания и толкователей»¹³⁴, совершенствовался в греческом и латинском языках.

Там же он приступает к переводческой работе, составляя также комментарии к труднопостигаемым местам. Многие из переведенных Степаносом Сюнеци трудов греческих писателей сохранились на армянском языке благодаря его переводам. Им были переведены сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита, «О природе человека» Немесия Эмесского (IV-V вв.), «О строении человека» Григория Нисского (IV в.), «Книга ученых бесед» Кирилла Александрийского, «Шестоднев» Георга Писида (VII в.)¹³⁵ и т. д. Перевод этих произведений не только восполнял пробел в армянской переводной литературе, но и способствовал совершенствованию армянской научной, в особенности, естественнонаучной терминологии, а некоторые из них использовались в качестве учебных пособий в средневековых армянских школах.

Существенным вкладом в средневековую армянскую науку и философию являются и комментаторские труды Степаноса Сюнеци, в частности, его «Толкование Грамматики Диониссия Фракийского»¹³⁶.

Он сыграл большую роль и в развитии армянской музыки, по подобию греческой церкви ввел канон в армянскую духовную песню, в церковное богослужение. Он сам сочинял «духовные песнопения с приятными мотивами – тараканы, кцорды и др. песнопения»¹³⁷. Кроме того, он разделил на восемь гласов и упорядочил многие шараканы и кцорды¹³⁸. Он сам сочинял как текст песни, так и мелодию и сам же их исполнял.

¹³⁴ Памятники армянской агиографии, вып. 1. – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1973. – С. 61.

¹³⁵ Аревшатян С.С. Формирование философской науки в древней Армении (V-VI вв.). – Ереван, 1973. – С. 188.

¹³⁶ Адонц Н. Дионисий Фракийский и армянские толкователи. – Петроград, 1915. – 307 с.

¹³⁷ Киракос Гандзакечи. История Армении. Пер. с древнеармянского предисловие и примечания Л.А. Ханларян. – М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1976. – С. 74.

¹³⁸ Степанос Орбелян. История области Сисакан (Степаноса Сюнийского епископа История дома Сисакана). – М.: изд. Мкртич Эмин, 1861. – С. 130.

Большой известностью пользовалась сестра Степаноса Саакдухт Сюнеци (VIII в.) – первая известная нам армянская учительница, поэтесса и музыкант. Она получила домашнее воспитание и образование, усиленно занимаясь самообразованием. Отказавшись от «всех мирских удовольствий», она приняла «монашеский обет» и поселилась в Гарнийском ущелье, посвятив себя полностью делу воспитания и обучения армянских детей окрестности. Собрав вокруг себя множество любознательных отроков она «обучала учеников, сидя за занавесью»¹³⁹, основав частную, первую музыкальную школу в Армении. В школе Саакдухт обучала детей чтению, письму, счету, а самое главное – пению и музыке. Будучи весьма сведущей в «музыкальном искусстве» она сама сочиняла песни (текст и мелодию), мелодии и гимны¹⁴⁰.

Другой крупной фигурой в армянской просветительской и музыкальной жизни Армении VIII века был товарищ Степаноса Сюнеци Григор Айриванеци (Гырзик) – учитель и музыкант. Вместе со Степаносом Сюнеци он отправился в Афины, Константинополь, где приобщился к античной философской и христианской литературе. Айриванеци был музыкально одаренной личностью, он сочинил множество мелодий и песен с благозвучной мелодией, «переложил на музыку 150 псалмов Давида, псалмы-стологи Пятидесятницы, псалмы Поста и многие другие»¹⁴¹, упорядочил церковное песнопение и т. д.

Из вышеизложенного следует, что деятели Армянской Апостольской церкви и культуры в течение веков, фактически, выступали и как политические мыслители, носители национально-политической программы, способствуя обеспечению культурной, а опосредовано, и политической независимости. Этой цели были подчинены все сферы духовно-культурной жизни, в том числе наука, философия, искусство, и особенно, школьно-образовательная система и др.

¹³⁹ Памятники армянской агиографии, вып. 1. – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1973. – С. 63.

¹⁴⁰ Там же. – С. 64.

¹⁴¹ Там же. – С. 35.

ГЛАВА 2. ЭВОЛЮЦИЯ ШКОЛЫ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРМЕНИИ (X - XV вв.)

2.1. Историческое развитие армянской школы в X - XV вв.

Начиная с IX века происходит ослабление Арабского халифата и усиление армянского княжеского рода Багратидов, который вскоре воцарился не только на армянском, но и на грузинском престоле. С восстановлением государственной независимости и созданием Багратидского (или Анийского) царства в 885 году начинается новая страница в политической и культурной истории армянского народа¹⁴². Благодаря тонкой и умелой внутренней и внешней политике Багратидов страна ожила, а относительно мирный период способствовал восстановлению и развитию экономики, расцвету городов, городской культуры и ремесел. По свидетельству армянского историка XI века Степаноса Таронечи – Асохика, «в нашем отечестве всюду царствовал мир. Поля превратились в селения, селения в города по многолюдству своему и богатству, страна армянская снова стала устроиться и обиловать всеми благами как прежде, и это — на многие годы»¹⁴³.

Столица Багратидской Армении Ани (с 961 г.) становится крупнейшим центром экономической, политической и культурной жизни страны. Рост ремесленного производства привел к оживлению старых и возникновению новых городов¹⁴⁴. Градостроительство получило широкий размах особенно в эпоху Багратидов. По мнению академиков Н. Марра и Я. Манандяна населе-

¹⁴² Юзбашян К.Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX-XI вв. – М.: Наука, 1988. – С. 3.

¹⁴³ Асохик. Всеобщая история Степаноса Таронского Асохика по прозванию писателя XI столетия. / Пер. с арм. и объяснена Н. Эминым. – Москва: тип. Лазар. ин-та вост. яз., 1864. – С. 109-110.

¹⁴⁴ Чалоян В.К. Армянский Ренессанс. – М. Издательство АН СССР, 1963. – С. 164.

ние Ани и других городов Багратидской Армении превышало численность городов средневековой Европы¹⁴⁵.

Происходят определенные изменения и в социальной структуре общества. Появляется городское сословие, в общественную и культурную жизнь проникает светский образ мышления. Усиление светского начала в сознании широких социальных слоев проявилось, в частности, в тяге к земному, в определенном игнорировании, точнее в более свободном отношении ко всему церковному, в усилении роли и значения светской власти. Большими темпами развивается светская архитектура, прикладные виды искусства и ремесла, школьно-образовательное дело и т. д. Страна вступала в период развитого феодализма или высокого Средневековья. Одним из важных факторов и стимулов роста городов и расцвета городской жизни, а вместе с ней ремесленного и сельскохозяйственного производства стала международная транзитная торговля между Востоком и Западом, проходившая через Армению. Более того, изучение сохранившейся продукции художественно-ремесленного производства показывает, что «культурная жизнь Ани и городов Багратидской Армении находилась на более высоком уровне развития, чем в средневековых городах Западной Европы», и что Ани «мог соперничать с прославнейшими городами Европы и Азии»¹⁴⁶.

Однако Багратидам так и не удалось объединить под своей эгидой все армянские земли: продолжали обособленно существовать независимые или полунезависимые княжества и царства. Одной из главных причин внутренней слабости и неустойчивости Армении явилась феодальная раздробленность, затруднявшая организацию сопротивления частым вторжениям иноземных завоевателей. В результате византийской агрессии в 1045 году столица Баг-

¹⁴⁵ Марр Н.Я. Ани: Книжная история города и раскопки на месте городища. – Л.-М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. – С. 69.

¹⁴⁶ Мирумян К. А. Очерки по истории армянской педагогической мысли. – Ереван. Изд-во ЗАНГАК. – 2013. – С. 91.

ратидской Армении город Ани пал под ударами христианских завоевателей¹⁴⁷.

В результате усиления центростремительных сил и развития хозяйственно-экономической жизни страны в 908 году создается еще одно самостоятельное армянское царство в другом крае Армении – Васпуракане¹⁴⁸. Здесь также развиваются города, строительство, ремесленное производство, сельское хозяйство. Число городов достигало 10, а население – миллиона человек. Васпураканское царство также втягивалось в международную торговлю. Наряду с градостроительством широкое распространение получает строительство новых монастырей, число которых достигает 900. Наиболее известными были монастыри Нарека и Ахтамара, которые со временем превратились также в крупные научные, культурные и учебно-образовательные центры всей Армении¹⁴⁹.

Вскоре после падения Багратидской Армении возникает новая грозная опасность со стороны турков-сельджуков, которые овладели большей частью Армении. Тем не менее, ряд армянских княжеств сумели сохранить свою независимость, другие вели неравную борьбу против завоевателей. С конца XI – начала XII века происходит ослабление империи сельджуков и она распадается на множество эмиратов. Объединенные армяно-грузинские войска под командованием выдающихся полководцев князей Закарэ и Иванэ Закаряннов постепенно освобождают территорию Грузии и северо-восточной Армении от сельджукского ига. За время недолгой мирной передышки была вновь восстановлена экономика страны, оживилась городская жизнь, ремесленное производство, внешняя и транзитная торговля, получил развитие торго-

¹⁴⁷ Юзбашян К.Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX-XI вв. – М.: Наука, 1988. – С. 38.

¹⁴⁸ Григорян Г. М. Очерки истории Сюника. IX-XV вв. / Отв. ред. Х.А. Торосян, Б.А. Улубабян; АН АрмССР. Ин-т археологии и этнографии. – Ер: Изд-во АН АрмССР, 1990. – С. 38.

¹⁴⁹ Брюсов В. Летопись исторических судеб армянского народа. – Ереван: Айастан, 1989. – С. 93.

ростовщический капитал. Появилось новое городское сословие предприимчивых и деловых людей — «парононов».

Таким образом «постепенно источник материальной мощи, а за нею власти и права в самом Ани переместился из военной доблести целиком в мирную торговлю»¹⁵⁰. Более того, «через Ани прошла живительная артерия, ветвь великих торговых путей. Ани сделался средоточием торговли и обмена между Востоком и Западом»¹⁵¹. Ани снова превращается в политический и культурный центр страны.

Армения сама постепенно втягивалась в мировую торговлю, поставляя продукты сельского хозяйства и ремесла. Так, историк Табари сообщает, что Армения вывозила свой хлеб в столицу Арабского халифата Багдад. На рынках Византийской империи большим спросом пользовались текстильные изделия армянских ремесленников. Арабский историк Ал-Истахрий приводит сведения о том, что «хазары одежд не выделывают, но исключительно ввозятся к ним из стран — Армении и Рума»¹⁵². Армения являлась одним из главных поставщиков красильных веществ: кармина, кошениля и других.

Развитие культурно-экономической жизни Армении было нарушено нашествием татаро-монгольских орд. В 40-х годах XIII века страна была завоевана монголами. Население и недовольная знать Армении неоднократно пытались свергнуть чужеземное иго. Однако вооруженные выступления были жестоко подавлены.

В конце XIV века Армения неоднократно подверглась опустошительным нашествиям полчищ Тимур-Ленга (Тамерлана), а в начале XV века страна стала ареной военного противоборства двух воинственных кочевых туркменских племен Кара-Коюнлу («Черные бараны») и Ак-Коюнлу («Белые бараны»). Полувековое господство племен Кара-Коюнлу (1410 – 1468 гг.) сме-

¹⁵⁰ Марр Н. Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. – Л.-М., 1934. – С. 35.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане: I. Ал-Истахрий // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, Вып. 29. – Тифлис, 1901. – С. 51.

нилось игом племен Ак-Коюнлу, которое продолжалось до полного их поражения в войне с Османской империей (1473 г.). Однако, несмотря на тяжелое положение страны и народа в отдельных монастырях продолжали сохраняться очаги науки и образования, обеспечивающие непрерывность и преемственность культурно-образовательных традиций¹⁵³.

В то время как большая часть исторической Армении находилась под чужеземным игом в 1080 году в далекой Киликии, на северо-восточном побережье Средиземного моря образовалось Киликийское армянское государство, просуществовавшее до 1375 года. Армяне поселились в Киликии еще при Тигране II Великом. Их численность резко увеличилась в XI – XII веках, вследствие сельджукского, а затем татаро-монгольских нашествий. Постепенно Киликийская Армения превратилась в центр политической, экономической и культурной жизни армянского народа.

В XII — XIII веках Киликийская Армения переживает период бурного военно-политического, экономического и культурного подъема. Города Айас, Арцн, Корикос, Сис и другие превращаются в центры морской и сухопутной транзитной торговли между Востоком и Западом. По свидетельству западных и восточных писателей XIII-х веков, Айас в то время являлся одним из немногих важнейших портов мировой торговли на Востоке. Марко Поло сообщает, что Лаяс (Айас) является портом, куда стекались купцы со всего Востока и Запада. А Рамузио свидетельствует, что «кто желает проникнуть в глубь Левантской страны, пристает, во-первых, к этому порту Гиацца», то есть Айасу¹⁵⁴.

Однако бесконечные оборонительные войны против Иконийского султаната, Египетского султаната мамелюков, Антиохийского княжества, Ви-

¹⁵³ Абаза В.А. История Армении. – С.-Петербург. Типография И.Н. Скороходова, 1988. – С. 49.

¹⁵⁴ Книга Марко Поло. – М.: Гос. изд-во географич. лит-ры, 1956. – С. 248.

зантийской империи, а также внутренние междоусобицы ослабили Киликийскую Армению, вследствие чего она пала в 1375 году¹⁵⁵.

Подъем экономической и политической жизни Армении, расцвет старых и строительство новых городов и ремесел, изменения, происшедшие в социальной структуре и общественных отношениях, духовные потребности, возникшие в связи с этими процессами, породили и соответствующую культуру, которая отразила всю сложность и противоречивость эпохи. Усиливается интерес не только к гуманитарным, но и к естественнонаучным и техническим знаниям. В искусстве и литературе появляются светские мотивы и веяния. Исследования показывают, что в средневековой Армении получили развитие такие области научного знания, как химия, медицина, биология, математика, строительная механика, астрономия и другие, которые непосредственно были связаны не только с теоретическими изысканиями, но и с практическими нуждами армянского общества¹⁵⁶.

В естественных науках особое внимание уделяется опытному познанию и знанию, широко используются опытные методы исследования. Это нашло отражение во многих отраслях средневекового знания, в частности, в астрономии, в медицине. Усилению крена в сторону опыта как метода познания и формы знания во многом способствовало научно-философская и педагогическая деятельность Ованеса Саркавага Имастасера.

Расцвет науки и культуры был невозможен без хорошо разработанной и функционирующей системы школьного обучения и образования. С восстановлением армянской государственности появились благоприятные условия для развития школьного дела, распространения образования и просвещения. В средневековой Армении данного периода существовало несколько типов школ. В народных и частных школах в основном обучали чтению, правописанию, пению и счету. Основным же очагом распространения образования и

¹⁵⁵ Микаелян Г.Г. История Киликийского армянского государства. – Ереван, 1952. – С. 478.

¹⁵⁶ История армянского народа (с древнейших времен до наших дней). Под ред. проф. М.Г. Нерсисяна. – Ереван, 1980. – С. 127.

просвещения продолжали оставаться монастырские школы – элементарные и высшие. В школах высшего типа (университетах) преподавались почти все известные к тому времени науки и искусства, готовили кадры учителей и наставников для распространения просвещения в стране, воспитания подрастающего поколения. И «есть все основания полагать, что средний уровень образованности в Армении», главным образом «в Багратидскую эпоху», стоял «достаточно высоко, пожалуй выше, чем во многих европейских странах того же времени»¹⁵⁷.

В X — XV веках в стране функционировали десятки школ высшего типа, среди которых особенно выделялись Нарекская риторическая школа, Анийская философская школа (академия), высшие школы Санаина и Ахпата и др. Впоследствии, в XIII-х веках возвышаются Гладзорский и Татевский университеты¹⁵⁸. Увеличилась и роль монастырских библиотек, повысился интерес к книге, к книжному знанию. Весьма примечательно, что многие князья и богатые горожане («пароны») жертвовали или дарили свои сады, виноградники и деньги не самим монастырям, а непосредственно монастырским школам и библиотекам. Нередко в качестве ценного дара преподносились рукописные книги. Эти и другие факты свидетельствуют об относительной самостоятельности, автономности научно-образовательных и культурных центров при монастырях. Монастырские школы и библиотеки являлись крупными очагами средневековой армянской культуры, центрами подготовки ученых, учителей-наставников, преподавателей и сохранения культурных и школьно-образовательных традиций¹⁵⁹.

Знаменитый Нарекский монастырь был основан в 935 году. После своего назначения предводителем монастыря Анания Нарекаци (X в.) создал при нем Риторическую школу высшего типа, которая благодаря его усилиям

¹⁵⁷ Брюсов В. Летопись исторических судеб армянского народа. – Ереван: Айастан, 1989. – С. 87.

¹⁵⁸ Аревшатян С.С. К истории философских школ средневековой Армении (XIV в.). – Ер.: Изд-во АН АрмССР, 1980. – С. 24.

¹⁵⁹ Веселовский Ю.А. Очерки армянской литературы, истории и культуры. / Ю.А. Веселовский. – Ереван: Айастан, 1972. – С. 298.

вскоре стала одной из самых лучших и известных высших школ того времени. Сюда стекались многие выдающиеся музыканты, ученые, писатели, вардапеты того времени. Одним из основных направлений в деятельности школы был поиск и приобретение древнейших рукописных книг и редких экземпляров (раритетов), создание богатого книжного фонда, что было необходимо как для развертывания научной деятельности, так и для обеспечения учебного процесса соответствующей учебно-образовательной литературой¹⁶⁰.

Именно в Нарекской школе впервые в данный культурно-исторический период было возрождено преподавание «семи свободных искусств», наук «тривиума» и «квадривиума» – стержня средневекового высшего образования.

По сохранившимся сведениям в Ани существовала развитая школьная система. Создание же Анийской философской школы (академии) связано с именем Ованеса Саркавага Имастасера (1045 — 1129 гг.). Благодаря его стараниям школа приобретает светский характер, философскую и естественно-научную направленность, на практике реализуется программная учебно-образовательная идея Григора Магистроса о необходимости внедрения в школьно-образовательную систему высшего типа естественно-научных дисциплин, основанной на программе естественно-научно-математической школы Анания Ширакаци. Научно-педагогическая деятельность Ованеса Саркавага привела к бурному расцвету и подъему Анийской философской школы¹⁶¹.

Анийская философская школа имеет важное значение для освещения истории армянской школы, содержания обучения и педагогической мысли, свидетельствует о высоком уровне теоретической мысли и школьно-образовательной системы. Об этом говорит тот факт, что в Анийской школе изучались: философия Аристотеля, грамматика Дионисия Фракийского, тру-

¹⁶⁰ Аревшатян С.С. К истории философских школ средневековой Армении (XIV в.). – Ер.: Изд-во АН АрмССР, 1980. – С. 33.

¹⁶¹ Там же. – С. 36.

ды Филона Александрийского, математика, риторика и другие научные дисциплины.

Ахпатская школа высшего типа своим появлением также обязана Ованесу Саркавагу Имастасеру. Школа при Ахпатском монастыре существовала и до него (где он сам получил первоначальное образование). Заслуга Саркавага заключается в том, что он значительно поднял уровень преподавания и образования, расширил круг изучаемых учебных дисциплин, включив в программу обучения философские, естественно-научные и математические науки, подобно тому, что он сделал в Анийской философской школе¹⁶². Благодаря своему выдающемуся таланту и организаторским способностям он содействовал небывалому взлету этой школы, превратил ее в школу высшего типа, которая просуществовала несколько столетий.

И в Анийской, и в Ахпатской школе Ованес Саркаваг возобновил преподавание многих «увядших и угасших» светских наук, которые из-за неблагоприятных исторических и политических условий, а также «невежества и лености» некоторых деятелей были приведены в беспорядок или преданы забвению. Он возродил и усилил интерес как к творениям античных мыслителей, так и к произведениям национальной мысли предшествующего периода¹⁶³.

В XIII — XIV веках папская курия усилила религиозно-идеологическую экспансию на Востоке, в том числе в Армении, что по времени совпало с деятельностью Гладзорского и Татевского университетов. На территории Армении католические миссионеры и их армянские приспешники основали целый ряд католических монастырей, духовных, учебных и научно-просветительских центров (в Артазе, Ерынджаке, Нахичевани), призванных форсировать процесс распространения католицизма в стране, содей-

¹⁶² Мирумян К.А. Становление естественно-научной мысли в Армении. / К.А. Мирумян; АН Армении, Ин-т философии и права. – Ереван: Изд-во АН Армении, 1991. – С. 114.

¹⁶³ Мовсесян А.Х. Из истории армянской школы и педагогики (с начала до XVIII века). / А.Х. Мовсесян. – Ереван: Митк, 1968. – С. 43.

ствовать унии армянской и католической церквей. Среди этих центров выделялись Цорцорская и особенно Кырнайская школы¹⁶⁴.

Основателем армяно-францисканского монастыря св. Фаддея и школы в Цорцоре (Артаз) был Закария Цорцореци, а также крупный ученый Ованес Ерзынкаци (Цорцореци) – ученик ректора Гладзорского университета, одного из идейных вождей антиуниатского движения Есаи Нчеци. Ованес Цорцореци оставил ряд оригинальных произведений, в том числе труд по грамматике. Он же по указанию римского папы Иоанна XXII перевел с латинского на армянский язык известный труд Фомы Аквинского «Книга семи таинств» – «Комментарии к IV книге Сентенций Петра Ломбардского» – один из первых переводов сочинений Аквината в мировой литературе¹⁶⁵.

В 1330 – 1340-х годах были переведены с латинского также сочинения известных католических теологов и философов Николая Лиры, генерала францисканского ордена Бонавентуры и т. д.

Основателем армяно-доминиканского монастыря и монастырской школы высшего типа в Кырна был Ованес Кырнеци, также воспитанник Гладзорского университета. Кырнайскую школу сами армяне-католики называли «вторыми Афинами». По всей видимости, она была создана в качестве противовеса Гладзорскому университету, который давно приобрел славу «вторых Афин» – всеармянского университета. Благодаря интенсивной научной, литературной и переводческой деятельности эmissара папской курии в регионе Варфоломея Болонского (Бартоломео да Болонья), его латинских сподвижников Петра Арагонского и Джона Английского, а также их армянских приспешников-униторов (unitores, униат) Ованеса и Акопа Кырнеци в течение сравнительно короткого времени было написано и переведено с латин-

¹⁶⁴ Аревшатян С.С. К истории философских школ средневековой Армении (XIV в.). – Ер.: Изд-во АН АрмССР, 1980. – С. 23.

¹⁶⁵ Там же. – С. 25.

ского значительное количество сочинений богослужебного, церковно-теологического и логико-философского содержания¹⁶⁶.

Деятели Кырнайской школы ставили перед собой задачу не только распространения католицизма на армянском языке, внедрения римско-католического богослужения, но и подведения под церковно-идеологическую деятельность мощной логико-философской базы в лице философии Фомы Аквинского, что призвано было существенным образом упрочить идейные позиции католицизма в Армении.

Наибольшее распространение в армянской интеллектуальной среде, среди ученых-вардапетов Гладзорского, Татевского, Мецопского и других университетов получили сугубо логико-философские, натурфилософские и естественно-научные труды латинских авторов. Особого внимания были удостоены «Книга проповедей» и «Толкование Шестоднева» Варфоломея Болонского¹⁶⁷, содержащие значительный пласт натурфилософского и естественно-научного материала, логико-философские трактаты Варфоломея Болонского и Петра Арагонского. Более того, «Диалектика» Варфоломея использовалась в армянских высших школах в XIV и последующих веках в качестве учебника по логике¹⁶⁸. Об этом свидетельствует и тот факт, что «Диалектика» Варфоломея Болонского вместе с логическими произведениями Жильбера (Гильберта) Порританского и Петра Арагонского была дважды переписана Григором Татеваци по поручению своего учителя Ована Воротнеци.

«Диалектика» содержит систематическое изложение «старой» (*vetus logica*) и «современной логики» (*logica modernorum*), то есть логическое учение от Аристотеля и Боэция до логики Петра Испанского.

¹⁶⁶ Мовсесян А.Х. Из истории армянской школы и педагогики (с начала до XVIII века). / А.Х. Мовсесян. – Ереван: Митк, 1968. – С. 49.

¹⁶⁷ Мирумян К.А. О роли школы и системы образования в контексте национального бытия в эпоху армянского высокого Средневековья. // Вестник РАУ: гуманитарные и общественные науки. – 2011. – № 2. – С. 11.

¹⁶⁸ Аревшатян С.С. К истории философских школ средневековой Армении (XIV в.). – Ер.: Изд-во АН АрмССР, 1980. – С. 27.

Благодаря «Диалектике» впервые в армянскую логическую литературу были введены мнемонические приемы для запоминания модусов категорического силлогизма (Barbara, Celarent, Darii, Ferio и др). Перевод «Диалектики» знакомил армянских философов и слушателей университетов с последними достижениями европейской поздней схоластики.

Своими трудами Варфоломей Болонский вызвал новый интерес у армянских ученых к античной философии, в частности к трудам Аристотеля. Однако это не было для армянских мыслителей «откровением», ибо с трудами античных авторов, в том числе и особенно Аристотеля, как на языке оригинала, так и в древнеармянских переводах армянские интеллектуалы были знакомы еще в период армянской античности и раннего средневековья. Следует напомнить, что вся многогранная деятельность (переводческая, комментаторская, самостоятельная) армянской грекофильской школы в V—VIII веках была направлена на изучение, осмысление и внедрение античной науки и философии в армянскую действительность, в систему национального научно-философского знания и высшего образования¹⁶⁹. Более того, многие переведенные на армянский язык произведения античных мыслителей служили в качестве учебных пособий в армянских школах высшего типа и в предшествующий культурно-исторический период.

Поэтому роль Варфоломея Болонского по сути сводится к пробуждению нового интереса к наследию Стагирита и античности и ознакомлению армянских мыслителей с западноевропейским восприятием философии Аристотеля, с одним из ведущих направлений западноевропейской мысли – томизмом – западноевропейским вариантом синтеза Аристотеля и античной философии с христианским учением¹⁷⁰.

Наряду с трудами Варфоломея Болонского в армянских школах высшего типа были распространены также логические произведения Петра Арагон-

¹⁶⁹ Мирумян К.А. Очерки по истории армянской педагогической мысли. – Ер: Изд-во ЗАНГАК, 2013. – С. 105.

¹⁷⁰ Аревшатян С.С. К истории философских школ средневековой Армении (XIV в.). – Ер.: Изд-во АН АрмССР, 1980. – С. 28.

ского. Сохранились многочисленные копии, сделанные в XIV-XV веках в Татеве, Мецопе, Апракунисе и других научных и учебных центрах.

Созданная латинскими и армянскими униатами оригинальная и переводная литература стала новым явлением в армянской средневековой духовно-интеллектуальной жизни. Если до XIV века преобладали переводы с греческого, то с XIV века происходят интенсивные научные и литературные контакты с латиноязычной литературой – процесс, который продолжался и в последующие века. Хотя возникшая в ходе церковно-религиозной экспансии папской курии в Армении католическая литература, прежде всего, преследовала конкретные политико-идеологические цели, однако необходимо различать политико-идеологические и научно-культурные (и учебно-образовательные) аспекты данного процесса¹⁷¹.

Так, если с политической точки зрения «латинская переводная литература служила интересам католической церкви и играла отрицательную роль, ослабляя национально-духовное единство армянского народа, то в культурно-интеллектуальном отношении она в основном имела позитивное значение», приобщала армянских книжников к течениям западноевропейской мысли, знакомила с философскими спорами и борьбой, царившей в католическом Западе¹⁷².

Армянские мыслители данного периода, в частности деятели и идеологи антиуниатского (антикатолического) движения – ректор Гладзорского университета Есаи Нчеци, ректора Татевского университета Ован Воротнеци, и Григор Татеваци сумели отличить отрицательные и положительные стороны в деятельности униатов, умело использовали латинскую литературу в борьбе против религиозно-идеологической экспансии папской курии. Так Варфоломей Болонский в памятной записи «Книги проповедей» пишет: «Волею христовой и главного престола (св.) Петра да будет предан анафеме и

¹⁷¹ Аревшатян С.С. Формирование философской науки в древней Армении (V-VI вв.). – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1973. – С. 47.

¹⁷² Аревшатян С. С. Давид Непобедимый – выдающийся философ Древней Армении. – М., 1980. – С. 27.

проклят тот, кто передаст эту «Книгу проповедей» в руки противников или лжеуниатов, ибо мы испытали много раз, что противники брали себе на вооружение наши же слова и нашим мечом воевали против нас и против истины»¹⁷³.

В отличие от религиозно-догматической литературы, научно-философские произведения униторов, созданные в учебно-просветительских целях, и переводы логико-философской литературы стали составной частью армянской теоретической мысли, придав новый импульс научной мысли и несколько расширив круг знаний учениями ряда известных представителей философской мысли средневековой Европы.

X – XV века – это эпоха сосуществования и борьбы элементов «старого» и «нового» во всех сферах общественной, культурной и школьно-образовательной жизни¹⁷⁴. Начинают пробиваться ростки новой культуры, нового образа мышления и мировоззрения. Имена Григора Нарекаци, Григора Магистроса, Ованеса Саркавага стоят на рубеже становления нового направления в теоретической мысли армянского народа. Но это новое явилось органическим развитием культурно-образовательных традиций народа, которые своими корнями уходили в глубокую древность.

Для более или менее полного представления об учебных программах и структуре средневековых высших школ (университетов) остановимся на учебно-образовательной программе, принятой в Гладзорском и Татевском университетах, которая аккумулировала и развила, подняв на новый уровень учебно-образовательные традиции предшествующих армянских школ высшего типа и была генетически с ними связана. Она опиралась на теоретико-методологические и методические принципы, разработанные еще армянской грекофильской школой в V-VI веках, в частности Давидом Анахтом, и дает

¹⁷³ Аревшатыан С. С. Давид Непобедимый – выдающийся философ Древней Армении. – М., 1980. – С. 7.

¹⁷⁴ Днепров Э.Д. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. / Отв. Ред. Э.Д. Днепров. – М.: педагогика, 1989. – С. 379.

наиболее полное и всестороннее представление о системе образования и обучения, принятых в средневековой Армении¹⁷⁵.

В рассматриваемых учебных заведениях функционировали 3 отделения-факультета. На одном обучали музыке по канонам «сладкозвучного пения» (искусству пения) и теории музыкального искусства, на втором – живописному искусству, разным приемам рисования, на третьем – «внешним» и «внутренним», то есть философско-богословским наукам¹⁷⁶.

Независимо от способностей и предпочтения, избираемой в дальнейшем конкретной сферы деятельности (каллиграфия, живопись, музыка, философия, богословие, проповедничество, учительство и т. д.) все слушатели в течение 7-8 лет должны были пройти весь курс и усвоить определенный круг богословских и светских («внешних») научных и учебных дисциплин.

Учебная программа упомянутых университетов включала 12 частей философии: естествознание, математика, богословие, этика, экономика, политика, арифметика (теория чисел), музыка (теория), геометрия. В качестве учебной литературы использовались труды по риторике, 7 книг «внешней» философии: «Грамматика», «Определения философии» Давида Анахта, «Введение» Порфирия, «Категории» и «Об истолковании» Аристотеля, «О мире» и «О добродетели» Псевдо-Аристотеля, 72 книги Ветхого и Нового Заветов, труднодоступные «тонкие» сочинения и сложные, труднодостижимые книги святых вардапетов и 51 эпических сказаний¹⁷⁷.

Стержнем высшего светского («внешнего») образования являлось преподавание «семи свободных искусств» — наук «тривиума» (грамматики, риторики и логики) — основы средневекового гуманитарного образования и наук «квадривиума» (арифметики, музыки, геометрии и астрономии) – цикла

¹⁷⁵ Аревшатян С.С., Матевосян А.С. Гладзорский университет – центр просвещения средневековой Армении. – Ереван, 1984. – С. 35.

¹⁷⁶ Там же. – С. 36.

¹⁷⁷ Мирумян К.А. Очерки по истории армянской педагогической мысли. – Ер: Изд-во ЗАНГАК, 2013. – С. 107.

точных наук того времени. Указанные циклы составляли два уровня в системе высшего средневекового образования в Армении.

Курс высшего образования начинался с изучения грамматики, которая включала не только вопросы, связанные с языком, но и вопросы теории литературы, поэтики, теории искусства. В качестве учебников служили армянские толкования «Грамматики» Дионисия Фракийского: Давида Керакана (Грамматика), Григора Магистроса, Вардана Аревелци, Ованеса Ерзынкаци, Есаи Нчеци и других видных ученых¹⁷⁸.

Затем следовало изучение риторики, в содержание которой входили правила и принципы риторического искусства, сведения о литературном творчестве, вопросы художественного стиля, правила составления или изложения произведений различных жанров и т. д. Учебником по этой дисциплине служила преимущественно «Книга Хрий (или Пользы)», включающая как риторические труды Афтония, Теона Александрийского и Николая Мюрского, так и самостоятельные тексты практического назначения.

Усвоение этих дисциплин было необходимо, чтобы приступить к изучению логики (или диалектики), которая, с одной стороны, завершала первый этап (или уровень) высшего образования, а с другой – вводила в область философских наук. Преподавание логики велось на основе логических сочинений Аристотеля («Категории», «Об истолковании»), Порфирия («Введение»), Давида Анахта («Толкование «Введения» Порфирия», «Толкование «Аналитики» Аристотеля»), Анонима («Толкование «Категорий» Аристотеля»).¹⁷⁹ Ованес Воротнеци в учебную программу возглавляемого им Татевского университета включил также сочинения по логике известных западноевропейских авторов – Жильбера Порретанского, Варфоломея Болонского и Петра Арагонского в армянском переводе. «Диалектика» Варфоломея Болонского стала одним из основных учебников по логике в армянских высших школах и

¹⁷⁸ Днепров Э.Д. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. / Отв. Ред. Э.Д. Днепров. – М.: педагогика, 1989. – С. 380.

¹⁷⁹ Аревшатян С.С. К истории философских школ средневековой Армении (XIV в.). – Ер.: Изд-во АН АрмССР, 1980. – С. 34.

университетах XIV-XV веков. Благодаря этому армянская логическая (и философская) мысль ознакомилась с западноевропейской интерпретацией развития логических учений от Аристотеля до Петра Испанского, приобщилась к логико-философским достижениям латинского Запада, в частности к философии Фомы Аквинского¹⁸⁰.

Овладение логикой открывало путь к изучению философии со всеми ее частями и разделами. Преподавание философии начиналось с теоретической философии и завершалось практической. В теоретическую философию входили: естествознание, математика и теология (метафизика). Преподавание теоретической философии начиналось с приобщения студентов к естественнонаучным знаниям, затем приступали к изучению математических дисциплин и в конце – к самой сложной части – теологии, что объяснялось необходимостью постепенного, ступенчатого восхождения от познания целиком материального к познанию абсолютно нематериального.

В число математических наук входили: арифметика (теория чисел), музыка (теория, гармоника), геометрия и астрономия (предметы «квадривиума»). Арифметику («искусство исчисления»), которую в качестве учебной дисциплины ввел еще Анания Ширакаци в VII веке, изучали по составленным им арифметическим таблицам, в частности по таблицам полигональных чисел, и его учебнику арифметики¹⁸¹. В процессе обучения музыке ученики овладевали принципами искусства пения, исполнения, а также знаниями по теории музыки. Геометрию изучали параллельно с географией. Учебником по геометрии служили «Начала» (или «Элементы») Эвклида, а по географии – «Мироуказатель» («География») Анания Ширакаци и «География» Вардана Аревелци¹⁸². Наряду с теоретической геометрией велось обучение и прикладной геометрии. Астрономию же изучали по астрономическим и космографи-

¹⁸⁰ Аревшатян С.С. К истории философских школ средневековой Армении (XIV в.). – Ер.: Изд-во АН АрмССР, 1980. – С. 35.

¹⁸¹ Культура Византии (IV— первая пол. VII в.). – М.: Наука, 1984. – С. 44.

¹⁸² Мирумян К.А. О роли школы и системы образования в контексте национального бытия в эпоху армянского высокого Средневековья. // Вестник РАУ: гуманитарные и общественные науки. – 2011. – № 2. – С. 12.

ческим трудам Ширакаци, в частности, «Космография», «О движении небес» и т. д.

После овладения частями математики ученики приступали к изучению самой сложной части теоретической философии – теологии (метафизики).

Успешное завершение курса теоретической философии давало возможность перейти к изучению частей практической философии: этики, экономики и политики (политической науки). Преподавание этих дисциплин велось на основе трудов Давида Анахта («Определения философии»), Езника Кохбаца («Опровержение лжеучений»), Псевдо-Аристотеля («О добродетели»), Нерсеса Шнорали («Толкование «Определений» Давида») и т. д.

Программа обучения, как уже отмечалось, включало также изучение 51 эпического сказания, что восходит, по-видимому, к учебно-образовательной программе, разработанной еще Григором Магистросом.

Таким образом, в Гладзорском и Татевском университетах обучение велось на основе трудов как христианских, так и «внешних» — языческих, античных мыслителей и их толкований. Число изучаемых «тонких» сочинений составляло более 50¹⁸³.

По завершении полного курса обучения студенты высших школ обязаны были сдавать выпускные экзамены, проанализировать и прокомментировать в письменной форме сочинение какого-либо выдающегося мыслителя или Учителя церкви по выбору преподавателя и подготовить выпускную речь, которую они произносили перед преподавателями и выпускниками университета, а также приглашенными на торжественную церемонию представителей духовной и светской власти, покровителей. Кроме того, выпускники по случаю окончания учебы должны были или сами переписать одну рукописную книгу, или же на свои средства заказать ее какому-либо писцу¹⁸⁴.

¹⁸³ Аревшатян С.С., Матевосян А.С. Гладзорский университет – центр просвещения средневековой Армении. – Ереван, 1984. – С. 39.

¹⁸⁴ Аревшатян С.С. К истории философских школ средневековой Армении (XIV в.). – Ер.: Изд-во АН АрмССР, 1980. – С. 38.

Не трудно заметить, что это обстоятельство преследовало цель обогатить книжный фонд университетских библиотек.

Таким образом, подготовка и особенно защита выпускных (дипломных) работ носили публичный характер, церемония защиты превращалась в культурное и научное событие не только в масштабах университета, но и всей культурной жизни страны.

После этого выпускнику присваивалась ученая степень вардапета и вардапетский посох, дающий право на самостоятельное проповедничество и преподавание в школах. Гладзоро-Татевский университет, как и другие средневековые армянские университеты и высшие школы, готовил кадры как для науки, искусства и школьно-образовательной системы, так и кадры для нужд церкви. Исследования показывают, что образование, получаемое учеными-вардапетами, никак не было связано с духовно-церковным саном. Более того, вардапетская степень считалась более высоким титулом, чем церковный сан. Именно с личностью вардапета была связана средневековая армянская школа. Вардапеты пользовались непререкаемым авторитетом¹⁸⁵. Таковы в общих чертах учебно-образовательная программа, система образования и содержание обучения в двух крупнейших центрах средневекового армянского образования, просвещения, науки и искусства.

Выпускники Гладзорского университета стали активными пропагандистами науки и культуры в разных краях и областях Армении. Эту свою поистине историческую и просветительскую миссию они осуществляли также путем создания новых школ различных типов. Среди множества основанных или руководимых ими школ отметим: школу Мецопского монастыря, Айридзорскую школу, школу Кохбского монастыря, Тифлисскую школу, Ахпатскую школу, Ерзынкайскую школу, Салмастскую школу, Техеникскую шко-

¹⁸⁵ Симонян П.Р. Очерки по истории армянской школы и педагогической мысли. – Ереван, 1971. – С. 93.

лу, Киликийскую Дзорованскую школу, Кырнайскую школу, Цорцорскую школу, Таронскую школу и др¹⁸⁶.

В средневековых армянских школах в зависимости от эпохи, от конкретных исторических и политических условий, характера школы и других факторов продолжительность срока обучения была различной. Сроки обучения в общественных школах составляли 2-5 лет, в церковных – 4-5, в монастырских – 4-6, а в школах высшего типа (или университетах) – 7-8. Школьный возраст колебался от 6 до 25 лет. Затем следовал университетский возраст. Люди, посвятившие себя науке, и после окончания учебы совершенствовали свои познания в другом университете или у другого знаменитого вардапета в индивидуальном порядке с целью углубления в конкретных областях научно-философского знания.

Занятия в школах проводились по группам или классам. Часто различные группы вели занятия в одном помещении (в основном это касалось элементарных и средних школ) и под руководством одного учителя, обучаясь разным предметам. Разделение на группы проводилось в соответствии с возрастом и подготовленностью учеников¹⁸⁷. В значительной мере это было обусловлено как численностью учеников и учителей, так и материальными возможностями данной школы.

С целью углубления студентов в конкретных сферах или проблемах научного знания руководители высших (и не только высших) школ часто приглашали ведущих ученых-вардапетов из других школ для чтения курса лекций или преподавания отдельной научно-учебной дисциплины. Так, Григор Татеваци читал лекции по различным дисциплинам, в Мецопской, Сагмосаванкской, Ереванской и других высших школах. Глава Мецопской высшей школы Товма Мецопеци пригласил Акопа Крымеци для преподавания

¹⁸⁶ Мирумян К.А. О роли школы и системы образования в контексте национального бытия в эпоху армянского высокого Средневековья. // Вестник РАУ: гуманитарные и общественные науки. – 2011. – № 2. – С. 13.

¹⁸⁷ Мовсесян А.Х. Из истории армянской школы и педагогики (с начала до XVIII века). / А.Х. Мовсесян. – Ереван: Митк, 1968. – С. 87.

курсов по естественнонаучным дисциплинам и особенно календароведения¹⁸⁸. Таким способом компенсировалось отсутствие своих «узких» специалистов-преподавателей.

Одной из важных задач, стоящих перед школой, было воспитание подрастающего поколения в духе национальных культурных традиций, гражданской добродетели, патриотизма, что имело первостепенное значение в эпоху военно-политической и социально-экономической нестабильности, отсутствия государственной целостности. Важнейшими формами и способами нравственного воспитания учеников являлись: личный пример учителя-наставника, назидательные беседы и речи, коллективные и индивидуальные наставления, всяческое поощрение преуспевающего и примерного ученика и порицание отстающего ученика, вплоть до применения телесных наказаний в отношении особо провинившихся учеников и т. д.¹⁸⁹. Образование и воспитание учеников рассматривались в качестве двух сторон единого процесса.

Особое внимание руководители школ обращали также вопросу подбора и назначения учителей и наставников, проявляя осторожность и заботу о будущем подрастающего поколения. Многовековая армянская педагогическая мысль сформулировала ряд принципов и критериев, которым должны были соответствовать учителя школ и университетов. Так, учитель должен был обладать не только соответствующими призванию теоретическими знаниями в той или иной области научного знания, но и богатым жизненным опытом и нравственными добродетелями; он должен был признан в качестве учителя со стороны научно-преподавательского сообщества, родителей учеников и т. д. Кроме того, такой учитель обладал правом самому, по своему усмотрению выбирать своих учеников¹⁹⁰. Этот вопрос регулировался целым рядом канонических постановлений, суть которых сводилась к тому, что учитель-наставник

¹⁸⁸ Днепров Э.Д. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. / Отв. Ред. Э.Д. Днепров. – М.: педагогика, 1989. – С. 381.

¹⁸⁹ Мовсесян А.Х. Из истории армянской школы и педагогики (с начала до XVIII века). / А.Х. Мовсесян. – Ереван: Митк, 1968. – С. 90-91.

¹⁹⁰ Джурицкий А.Н. История зарубежной педагогики: Учебн. пособие для вузов. – М.: ФОРУМ – ИНФРА-М, 1998. – С. 213.

несет полную ответственность не только за судьбу ученика, но и перед всем народом. Так в «Канонических установлениях» армянского католикоса Константина отмечается, что «учителя, обучающие грамоте, должны назначаться по свидетельству многих лиц, дабы были они ученые и образованные, сведущие и опытные во всех отношениях, точно так же и ученики, обучающиеся грамоте, должны выбираться самим (учителем) и с большим тщанием и осмотрительностью» (пункт 10)¹⁹¹. Таким образом, задача школьного образования заключалась в сочетании образовательного и воспитательного факторов, а также жизненного опыта.

Поэтому не случайно, что в проповеди «О пустыннониках», касаясь вопроса об условиях, необходимых для нормального развития школьного дела и обучения, автор писал: «Для учебы необходимы четыре вещи: (во-первых, нужно, чтобы учителя были одержимы желанием обучать, к тому же без корысти и тщеславия; во-вторых, горячая любовь (учеников к знанию); в-третьих, мир; в-четвертых, места пустынные и тихие»¹⁹².

Помимо расцвета старых и основания новых школ в этот период начинается развитие школьного дела и за пределами самой страны. Учреждаются школы, училища, семинарии и т.д. в густаноселенных армянами городах – Константинополе, Крыму, Тифлисе и др.

2.2. Просветительско-педагогическая мысль Армении в X - XV вв.

Выдающуюся роль в деле организации и развития школьно-образовательного дела и педагогической мысли в Армении этого культурно-исторического периода сыграли крупные мыслители и педагоги Анания Нарекаци (нач. X-кон. X в.), Григор Магистрос (ок. 990-1058 гг.), Ованес Сарка-

¹⁹¹ Киракос Гандзакечи. История Армении. / Пер. с древнеарм., предисл. и комм. Л.А. Ханларян. – М., 1976. – С. 189.

¹⁹² Источники по истории высших школ средневековой Армении (XII-XV вв.). / Пер. с древнеарм., вступит, статьи и примеч. К.С. Тер-Давтян. Предисл. и ред. С.С. Аревшатяна. – Ереван, 1983. – С. 73.

ваг Имастасер (1045-1129 гг.), Нерсес Шнорали (1098-1173 гг.), Нерсес Ламбронаци (1153-1198 гг.), Мхитар Гош (ок 1130-1213 гг.), Вардан Аревелци (1200- 1271 гг.), Нерсес Мшеци (ум. в 1284 г.), Есаи Нчеци (ок. 1260-1338 гг.), Ованес Воротнеци (1315-1386 гг.), Григор Татевеци (1346-1409 гг.), Товма Мецопеци (1378- 1446 гг.), Аракел Сюнеци (1355-1425 гг.), Маттеос Джугаеци и многие другие, которые в своей научно-литературно-педагогической деятельности не только обобщили завоевания армянской педагогической мысли предшествующего периода, но и подняли ее на качественно новый уровень, обогатив целым рядом интересных и оригинальных идей и положений.

АНАНИЯ НАРЕКАЦИ

Одним из первых деятелей армянской культуры, в педагогической деятельности и творчестве которого после полуторавекового спада явственно проявилось светское начало был Анания Нарекаци (нач. X – кон. X в.) – известный педагог, ритор, поэт, основатель знаменитой Нарекской риторической школы. Благодаря его стараниям Нарекский монастырь и особенно основанная им школа вскоре превращаются в один из крупных очагов науки и просвещения, куда стекались многие известные вардапеты, ученые, музыканты, поэты, книжники и т. д. Здесь учился и творил великий армянский поэт Григор Нарекаци. Анания принимал активное участие в развернувшейся в тот период литературно-политической и конфессиональной борьбе. Уже в преклонном возрасте он (как и Григор Нарекаци) был обвинен в тондракийской ереси¹⁹³.

Анания Нарекаци – автор целого ряда произведений теоретического, поэтического и назидательного характера, изложенных по канонам искусства риторики, в которых он исходил из Грамматики Дионисия Фракийского, ее армянских толкований, в частности, Давида Грамматика (V в.) и Степаноса

¹⁹³ Веселовский Ю.А. Очерки армянской литературы, истории и культуры. / Ю.А. Веселовский. – Ереван: Айастан, 1972. – С. 321.

Сюнеци, трудов Давида Анахта¹⁹⁴. В них содержатся также ценные сведения по различным областям естественнонаучного знания. Он глубоко изучил и преподавал не только науки «тривиума», но и «квадривиума», что свидетельствует о том, что «в систему дисциплин, изучавшихся в Нарекской школе, входили «семь свободных искусств»¹⁹⁵.

Анания Нарекаци ставит ряд вопросов, касающихся морально-духовного облика личности. Развитие личности требует длительного совершенствования его внутреннего мира, соответственно предполагающего наличие «искусства выбора», которое лежит в основе добродетели. Он рассматривает это «как некий процесс самосовершенствования»¹⁹⁶. Человеческие добродетели он делит на зрительно воспринимаемые и невоспринимаемые. Совокупность первых добродетелей образует внешний облик человека, совокупность вторых – внутренний. Эти два вида добродетели, два образа человека должны соответствовать друг другу, составляя гармоничное единство, ибо только при их гармоничном развитии и единстве человек может достичь совершенства. Именно на решение этой сложнейшей задачи и нацелены назидательные произведения Нарекаци, и именно реализации этой задачи, в основном, и должно служить искусство.

Нарекаци уверен, что конечной целью процесса обучения является не только передача определенной суммы знаний и их теоретическое усвоение учениками, но и приобретение навыков, умения для их творческого приложения, ибо только в этом случае можно говорить о прочности усвоения материала. Так, если «некто обучился у кого-то (какому-то) искусству и это искусство в какое-то время претворил в дело, тогда об этом искусстве он узнает

¹⁹⁴ Мирумьян К.А. Школа, просвещение и педагогическая мысль в Армении. – М., 1989. – С. 192.

¹⁹⁵ Веселовский, Ю.А. Очерки армянской литературы, истории и культуры. / Ю.А. Веселовский. – Ереван: Айастан, 1972. – С. 171.

¹⁹⁶ Там же. – С. 176.

больше, нежели научился у наставника»¹⁹⁷. Таким образом, он акцентирует значение опытной реализации знаний, что играет роль критерия степени усвоения учениками знаний.

Искусство, в частности музыкально-поэтическое должно оперировать образами, обладающими большим эмоциональным зарядом, благодаря чему оно способно воздействовать на духовный мир человека и породить различные, как положительные, так и отрицательные чувства-состояния. Именно непосредственность и эмоциональность искусства определяют воспитательно-формирующую силу искусства¹⁹⁸.

В процессе художественного творчества и обучения Нарекаци важное место отводит значению образца, примера, взятого из окружающего внешнего мира: «(Подобно тому) как земледельцы предварительно готовят орудия труда до наступления времени (сельскохозяйственных) работ, так и ты займись все эти примеры из этой земной жизни...»¹⁹⁹. Это объясняется тем, что человек состоит из плоти и души, что плотское начало не чуждо человеку и оно не должно игнорироваться, поэтому «и притчу этого примера надобно сделать наглядной»²⁰⁰.

В творчестве Нарекаци явственно выступают характерные для той эпохи тенденции в сторону обмирщения науки, искусства и образования.

ГРИГОР МАГИСТРОС

Григор Магистрос (ок. 990-1058 гг.) – выдающийся армянский философ, ученый, просветитель и педагог, военный деятель. Он происходил из знаменитого княжеского рода Пахлавуни, подарившему своему народу целый ряд крупных военных, политических, духовных и литературных деятелей. Григор детство провел у своего дяди Ваграма Пахлавуни – прославленного спарapeuta Багратидской Армении в городе Ани, где получил блестящее

¹⁹⁷ Источники по истории высших школ средневековой Армении (XII-XV вв.). / Пер. с древнеарм., вступит. статьи и примеч. К.С. Тер-Давтян. Предисл. и ред. С.С. Аревшатяна. – Ереван, 1983. – С. 74.

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ Там же. – С. 75.

²⁰⁰ Там же. – С. 76.

по тем временам образование в Анийской высшей школе, овладев как религиозно-богословскими («внутренними»), так и светскими («внешними») – философскими, естественнонаучными и математическими науками²⁰¹. Об уровне образованности Магистроса свидетельствует тот факт, что такие фундаментальные философские сочинения как «Категории» Аристотеля и «Введение» неоплатоника Порфирия он изучил еще в юношеские годы. Он получил также основательное военное образование и военно-физическую подготовку.

Григор затем совершенствовал свое образование в Константинополе. Магистрос прекрасно владел греческим языком, имел глубокие познания в области древнегреческой, византийской, персидской, сирийской и арабской науки, философии и литературы. Он слыл знатоком не только христианской, но и мусульманской теологии и догматики. Он поддерживал контакты и переписывался как с армянскими деятелями (светскими и духовными) и учеными, так и с арабоязычными учеными.

Григор Магистрос был также выдающимся деятелем последнего периода истории Анийского царства. В отличие от провизантийски настроенной политической группировки, он защищал политическую линию царя Гагика II родного дяди Ваграма Пахлавуня, направленную на защиту и сохранение армянской государственности²⁰². Когда же под давлением внешних и внутренних сил армянский царь в конце концов был вынужден передать царство византийскому императору Константину Мономаху (1042-1054 гг.), Магистрос последовал примеру своего царя. После падения Анийского царства в 1045 году он передал свои владения византийской короне, получив взамен земли в Междуречье. Принимая во внимание его выдающиеся военные способности, византийский император назначает его наместником Васпуракана, Беркра, Арчеша, Тарона, Маназкерта и северного Междуречья. Он не только

²⁰¹ Киракос Гандзакечи. История Армении. / Пер. с древнеарм., предисл. и комм. Л.А. Ханларян. – М., 1976. – С. 196.

²⁰² Брюсов В. Летопись исторических судеб армянского народа. – Ереван: Айастан, 1989. – С. 104.

успешно защищал восточные границы земли армянской, но и используя административный характер своей должности провел целый ряд мероприятий по ее благоустройству²⁰³.

Благодаря своей исключительно плодотворной военно-политической и административной деятельности он был удостоен одного из высших военно-административных титулов империи – титула магистра²⁰⁴.

Тем не менее, Магистрос неоднократно пытался оставить свою должность и целиком посвятить себя научной и литературной деятельности, однако император, учитывая его выдающиеся качества, неоднократно проявленный военно-политический талант, всякий раз отказывал. Несмотря на все это он не терял надежды на приобретение своим народом государственной самостоятельности.

Магистрос сыграл огромную роль в деле распространения светской науки и образования, развития школьного дела и просвещения в Армении. Он открыл или содействовал основанию многих школ, в некоторых из которых лично преподавал и занимался научно-литературной работой. Он был тесно связан со школами Ани, Бджни, Кечариса, Санаина и др. Он основал и высшую школу, которая, по всей видимости, сопровождала князя-учителя во время его частых перемещений и походов. Он выступал в качестве мецената, непосредственно участвовал в организации и разработке учебно-образовательных программ как для начальных, так и для высших школ. Он обращался ко многим князьям и влиятельным людям с увещанием всячески содействовать делу развития науки и просвещения²⁰⁵.

Магистрос высоко отзывался и ценил образованных людей, стремясь и на практике поднять их авторитет, роль и значение в общественной жизни, создать вокруг них атмосферу уважения, благоприятные условия для творче-

²⁰³ Киракос Гандзакечи. История Армении. / Пер. с древнеарм., предисл. и комм. Л.А. Ханларян. – М., 1976. – С. 198.

²⁰⁴ Юзбашян К.Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX-XI вв. – М.: Наука, 1988. – С. 48.

²⁰⁵ Мовсесян А.Х. Из истории армянской школы и педагогики (с начала до XVIII века). / А.Х. Мовсесян. – Ереван: Митк, 1968. – С. 96.

ской работы. В качестве образца для подражания он приводит деятельность царя Анийской Армении Гагика II по развитию и распространению в стране просвещения. В этом смысле Магистрос сравнивает его с одним из самых просвещенных эллинистических монархов, апологетом и покровителем науки Птоломеем²⁰⁶. По свидетельству Маттеоса Урхаеци, царь Гагик был любознательной личностью, владевший широкими философскими и риторическими познаниями²⁰⁷.

«Преисполнение чтением», «просвещение себя наукой» – вот основной просветительский и педагогический тезис, которому он следовал всю свою жизнь и которому советовал придерживаться другим²⁰⁸.

Подчеркивание всей важности проблем образования и просвещения требовало выработки определенного концептуального подхода. Магистрос прекрасно понимал, что должное развитие школьной системы, распространение просвещения не может быть самоцелью или не иметь четко сформулированной цели. В качестве цели системы школьного образования и воспитания должно выступать служение интересам государства и нации, содействие решению задач, возникающих вследствие общественно-политических сдвигов. Именно этой концептуальной установкой мыслителя обусловлена его активная деятельность по организации школьного дела и созданию учебно-образовательной системы в стране.

Научно-философская и педагогическая концепция Магистроса преимущественно отражена в его знаменитых «Письмах». Хотя они адресованы конкретным лицам, тем не менее, в них рассматриваются также актуальные для того времени и страны проблемы науки и образования, отражая мышление и дух эпохи, царившую духовно-интеллектуальную атмосферу, тенден-

²⁰⁶ Микаелян Г.Г. История Киликийского армянского государства. – Ереван, 1952. – С. 389.

²⁰⁷ Киракос Гандзакеци. История Армении. / Пер. с древнеарм., предисл. и комм. Л.А. Ханларян. – М., 1976. – С. 202.

²⁰⁸ Мирумян К. А. Очерки по истории армянской педагогической мысли. – Ереван. Изд-во ЗАНГАК. – 2013. – С. 112.

ции. Его эпистолярное наследие одновременно ознаменовало появление нового жанра в средневековой армянской литературе.

Язык Магистроса – философско-понятийный. Он стремится излагать свои мысли лаконично. Так, в одном из своих посланий католикоосу Петросу Гетадарцу, он отмечает, что хотя тот советует ему о новых идеях и суждениях философствовать (писать) более обстоятельно, однако ему «более приятно писать сжато, так как подобно тому, как отдельные части целого – прямые линии составляют в совокупности целый прямоугольник, точно так же для мудрого человека и одного слова достаточно, чтобы понять вытекающие из него тысячи слов»²⁰⁹. Хотя сам он часто не следует указанному им же принципу, удлиняя изложение и перегружая изложение многочисленными синонимами и в духе грекофильской школы искусственной терминологией, тем не менее, значение провозглашенного им принципа этим не умаляется²¹⁰.

Одним из принципиальных вопросов средневекового образования была проблема соотношения духовного и светского образования, которая в конечном счете определяла направленность и целеустремленность национального образования и воспитания. В эпоху арабского владычества в Армении господствовали церковно-религиозное и духовно-моральное образование и воспитание. И только во 2-й половине X века намечаются тенденции в направлении расширения сферы школьного образования, содержания обучения²¹¹.

Магистрос сознавал и резко критиковал односторонность и «однобокость» церковно-религиозного образования, полагая, что для полноценного образования и воспитания необходимо, чтобы в школах (особенно в школах высшего типа) морально-религиозное образование сочеталось со светским образованием. Поэтому необходимо широко внедрить в учебный процесс

²⁰⁹ Источники по истории высших школ средневековой Армении (XII-XV вв.). / Пер. с древнеарм., вступит. статьи и примеч. К.С. Тер-Давтян. Предисл. и ред. С.С. Аревшатяна. – Ереван, 1983. – С. 88.

²¹⁰ Мирумян К. А. Очерки по истории армянской педагогической мысли. – Ереван. Изд-во ЗАНГАК. – 2013. – С. 113.

²¹¹ Симонян П.Р. Очерки по истории армянской школы и педагогической мысли. – Ереван, 1971. – С. 124.

светские науки, необходимые для дополнения духовного обучения. Важное значение для широкого распространения образования и воспитания он придавал разветвленной сети народных школ. Это в свою очередь требовало все-речь заняться вопросами упорядочения и реформы учебно-воспитательного процесса с учетом возрастных и умственных способностей учеников и назначения школы, разработки и уточнения содержания, программы и плана обучения.

Реализация указанных задач требовала решения ряда других проблем. Во-первых, теоретически обосновать необходимость естественнонаучных и математических дисциплин и их непротиворечивость идеологии и мировоззрению эпохи основоположениям христианского богословия. Во-вторых, обеспечить школы соответствующей научно-методической и учебно-образовательной литературой. В-третьих, дать философско-психологическое обоснование проявления умственных способностей и интеллектуального развития отроков²¹².

Развивая и углубляя тенденции светского характера, наметившиеся в творчестве Анания и Григора Нарекаци, Магистрос своей научно-педагогической деятельностью прочно и окончательно внедрил изучение светских наук в систему высшего школьного образования в Армении²¹³.

Внедрение естественных и математических наук в систему высшего образования, учебный процесс вообще предполагало наличие соответствующей научно-методической литературы, без которой невозможно решить задачи, встающие перед учебно-образовательной системой, обеспечить естественное развитие школьно-образовательного процесса. Григор Магистрос выдвигает три возможные пути решения проблемы: 1) введение научно-философских достижений предшествующей культурно-исторической эпохи,

²¹² Мирумян К.А. О роли школы и системы образования в контексте национального бытия в эпоху армянского высокого Средневековья. // Вестник РАУ: гуманитарные и общественные науки. – 2011. – № 2. – С. 14.

²¹³ Киракос Гандзакци. История Армении. / Пер. с древнеарм., предисл. и комм. Л.А. Ханларян. – М., 1976. – С. 217.

преданные забвению в период арабского владычества, введение в научный и учебно-образовательный обиход прошедшую испытание временем научно-образовательную литературу прошлого; 2) перевод основных научно-философских памятников античности и 3) создание новых учебных пособий²¹⁴.

Магистрос лично принимал активное участие в работе по всем указанным направлениям. Так, в адресованном католикосу Петросу Гетадарцу письме он указывает на то обстоятельство, что в книгохранилище католикоса содержатся под замком естественнонаучные и математические труды великого ученого и педагога Анания Ширакаци (VII в.), которые остаются неизвестными представителям научной и образовательной сфер²¹⁵. Магистрос высоко оценивая проделанную Ширакаци поистине громадную работу и его научное наследие, увещевает католикоса сделать труды великого ученого-педагога достоянием нации.

Отсюда отнюдь не следует, что судьба научно-педагогического наследия Анания Ширакаци явилась результатом политики церкви, как думают некоторые исследователи, а в первую очередь следствием неблагоприятных исторических процессов. Поэтому обращение Григора Магистроса следует рассматривать как призыв к «возрождению» собственных национальных духовных ценностей, включение их в систему ценностей, формирующейся в новую историческую эпоху и обеспечения преемственности в развитии национальной мысли.

Важное значение в развитии школьного обучения, образования и просвещения Магистрос придает переводам основных сочинений по различным областям науки и философии. Сам он немало времени уделял переводу на армянский язык памятников античной науки, в частности «Геометрии» Эвк-

²¹⁴ Аревшатыан С.С. К истории философских школ средневековой Армении (XIV в.). – Ер.: Изд-во АН АрмССР, 1980. – С. 57.

²¹⁵ Источники по истории высших школ средневековой Армении (XII-XV вв.). / Пер. с древнеарм., вступит. статьи и примеч. К.С. Тер-Давтян. Предисл. и ред. С.С. Аревшатыан. – Ереван, 1983. – С. 92.

лида, часть перевода которой сохранилась. Он приступил к переводу диалогов Платона «Федон» и «Тимей», изучение которых необходимо для подготовительного этапа к переходу к изучению математических дисциплин. Он сообщает также, что «намеревается перевести на армянский труды и других греческих сирийских ученых, которых нет на армянском языке»²¹⁶. Однако эти переводы или не сохранились, или же не были выполнены вследствие его чрезмерной занятости. Переводческая деятельность, считает он в духе армянских грекофилов V — VI веков, также должна исходить из заранее продуманной и разработанной программы, подчиненной требованиям и потребностям учебно-образовательной программы эпохи. С целью обоснования своей мысли он ссылается на опыт арабов, которые неправомерно перевели с греческого языка на арабский сначала труды по врачебному искусству. Потом в связи с недоступностью содержащихся у Асклепия и Гиппократов положений, «возникла необходимость перевода (на арабский), во-первых, грамматических и риторических (произведений), а затем — философских» и других сочинений по остальным областям знания и в соответствующей последовательности²¹⁷. Таким образом, развитие науки и культуры, в частности, переводческого дела не есть самоцель, а должно быть подчинено решению определенных и вполне осознанных учебно-образовательных и просветительских задач.

Подобно другим деятелям армянской науки и просвещения, Магистрос глубоко понимал значение государственной и политической самостоятельности в деле развития наук, искусств, школы и образования, просвещения в народ. Просветительская ориентация его проявилась и в том, что он использовал свое положение, власть и даже личные связи для разрешения как общих, так и частных вопросов школы и просвещения.

²¹⁶ Мирумян К. А. Очерки по истории армянской педагогической мысли. — Ереван. Изд-во ЗАНГАК. — 2013. — С. 123.

²¹⁷ Тер-Саркисянц, А.Е. История и культура армянского народа с древнейших времен до начала XIX в. / А.Е. Тер-Саркисянц. — М.: Вост. лит. РАН, 2005. — С. 428.

Таким образом, Магистрос не только возродил светские науки и искусства, включив их в качестве основного компонента в учебную программу, но и наметил пути дальнейшего развития школы, просвещения и науки.

Подобно другим деятелям армянской науки и просвещения Григор Магистрос глубоко сознавал роль и значение политической независимости нации и собственно государственности в становлении, развитии и распространении науки, искусства, школьной жизни и учебно-образовательной системы. Его просветительская и духовно-культурная позиция вообще проявлялась в том, что он широко использовал свое высокое общественно-политическое положение, власть и широкие личные связи для решения как программно-концептуальных, так частных вопросов школы и образования.

Таким образом, Григор Магистрос восстановил вынужденно прерванные научно-образовательную концепцию и учебно-образовательную программу Давида Анахта и Анания Ширакаци. Его научно-педагогическая деятельность оказала существенное влияние на дальнейшее развитие армянской школы, науки и просвещения.

ОВАНЕС САРКАВАГ ИМАСТАСЕР (1045 - 1129 гг.)

Ованес Саркаваг Имастасер — один из универсальных умов и энциклопедически образованных людей средневековья, сказавший свое слово во многих областях науки того времени. За свои многогранные и глубокие познания он был прозван современниками «великим философом», «божественным философом», «Ритором», «Поэтом», «святым вардапетом» и другими почетными титулами²¹⁸.

Ованес Саркаваг родился в области Парисос исторического Арцаха в семье священника. Первоначальное воспитание и образование получил у дяди в Ахпатском монастыре. С детских лет он увлекался музыкой и проявил незаурядные способности в этой области, поэтому «вначале был отдан на усовершенствование в мусических духовных учениях, а после проявления

²¹⁸ Киракос Гандзакечи. История Армении. / Пер. с древнеарм., предисл. и комм. Л.А. Ханларян. – М., 1976. – С. 224.

скрывавшихся в нем (умственных) способностей был послан дядей к вардапету Урчацци²¹⁹ для приобретения соответствующих знаний. Здесь он не только углубляется в изучение и толкование богословских наук, но и приобщается к «внешним» наукам²²⁰. Впоследствии он совершенствует свои знания в городе Ани – бывшей столице Багратидской Армении, где к этому времени уже существовала развитая школьная система, преподавались как церковно-религиозные, так и светские науки. Получив солидную теоретическую подготовку, он приступает к самостоятельной научно-педагогической работе.

Вероятно в 70-е годы он становится руководителем Анийской школы (возможно в одной из анийских школ), которая благодаря многогранной и самоотверженной деятельности Ованеса Саркавага приобретает светский характер, философско-естественнонаучную направленность, переживает бурный расцвет, что дало повод некоторым ученым считать его основателем Анийской школы²²¹.

Ованес Саркаваг возобновил и «украсил» многие «померкшие и угасшие науки предков», преданные забвению. Следуя Магистросу, он усилил интерес к творениям античных и древнеармянских мыслителей.

Об уровне и содержании обучения Анийской школы Ованеса Саркавага говорит тот факт, что здесь изучались: грамматика Дионисия Фракийского, ее армянские толкования, искусство риторики, логика и философия Аристотеля, математика (в частности по трудам Филона Александрийского и Никомаха) и Ширакаци, календароведение, музыка (теория), богословие др. научные дисциплины. Из биографии Ованеса Саркавага следует, что сам он преподавал многие из названных наук, и «прежде всего грамматике, ключу науки, наставнику чтения и источнику десятка интонаций, с помощью которой разделяются мысли, распознается сила талантливых и услаждается слух внимающих, которая знакомит с долгими и краткими слогами, с гласными и со-

²¹⁹ Труды Ованеса Имастасера. / Изд., иссл. и пер. А.Г. Абрамяна. – Ереван, 1956. – С. 119.

²²⁰ Там же. – С. 120.

²²¹ Там же. – С. 25-26.

гласными, со смысловым ударением... с восходяще-нисходящей интонацией и употреблением апострофа, дабы не начинать строфу с середины и, поставив запятую в конце в знак окончания мысли» и получить «иной смысл»²²².

Из той же биографии мы узнаем, что Ованес Саркаваг после этого обучал «тонким и труднодостижимым сочинениям» — риторике и философии, космографии, теории календаря, математическим дисциплинам — арифметике, музыке, геометрии («форме вещей»), астрономии и т. д.²²³.

Судьба вновь связывает Ованеса Саркавага с Ахпатским монастырем, где продолжается плодотворная научно-литературная и педагогическая деятельность одной из ярких звезд «серебряного века» армянской письменности. Вероятно в Ахпате он и реформировал армянский календарь (1084 г.), положив начало новому армянскому летосчислению, которое в его честь было названо его именем – «Малым саркаваговским календарем». Благодаря его стараниям школа при Ахпатском монастыре превратилась в школу высшего типа, программа обучения в которой и направленность совпадали с Анийской школой.

В Анийской и особенно в Ахпатской высших школах Ованес Саркаваг уделял большое внимание изучению письменного наследия прошлого, проделал огромную работу по выявлению затерявшихся или полузабытых произведений древних авторов, ибо «знания приобретенные наукой и согласно искусству исследования древних, не делаются бесполезными и не подлежат забвению»²²⁴. После тщательной литературной обработки он поручал своим ученикам переписывать, размножать и распространять их. Так он поступил с целым рядом произведений церковно-религиозной литературы, с творениями выдающихся античных и христианских мыслителей в армянском переводе Аристотеля, Филона Александрийского, Григория Нисского, Григория Бого-

²²² Труды Ованеса Имастасера. / Изд., иссл. и пер. А.Г. Абрамяна. – Ереван, 1956. – С. 122.

²²³ Там же.

²²⁴ Там же. – С. 250.

слова, Давида Анахта и др., которые благодаря этому вновь были включены в учебно-образовательную систему, вошли в научный оборот.

Ованес Саркаваг явился реформатором школьного образования в средневековой Армении, внедрив новую систему и методы обучения, смело доискиваясь новых идей. В этом видит Гевонд Алишан, пользовавшийся также неизвестным нам источником, крупную заслугу его на ниве школьно-просветительской деятельности. Выдающийся ученый-арменовед по этому поводу пишет: «Итак, мы можем не колеблясь сказать, что Саркаваг-вардапет благодаря своей энергии и трудам достиг больших результатов, суть коих состояла в том, чтобы преобразовать систему обучения своего времени и пробудить любовь к учению в своей стране. То, что европейцы стали осуществлять в XV веке он начал в XI веке за что и прозвали его «Великий софист Ахпатский»²²⁵. При помощи своих нововведений он «толкал вперед» просвещение своего времени, просветляя умы отроков и подготавливая будущих наставников, осветивших светом знания все вокруг и заполнивших пределы Армении «словом мудрости», приобретенными у «многоученого вардапета»²²⁶.

Ованес Саркаваг воспитал целую плеяду талантливых учеников, сыгравших роль в развитии армянской письменности и просвещения (Самвел Анеци, Еремия Андзревик, Хачатур Анеци и др.). Он пользовался славой великого ученого-философа и просветителя и за пределами Армении – в Грузии и Агванке²²⁷, в частности у грузинского царя Давида Строителя.

Ованес Саркаваг умер в 1129 году в Ахпатском монастыре в окружении своих многочисленных и преданных учеников и удостоившийся благодарной памяти будущих поколений.

²²⁵ Алишан Г. Ованес Саркаваг вардапет. // Пер. с арм. и объяснена Н. Эминым. – Москва: тип. Лазар. ин-та вост. яз., 1857. – С. 217.

²²⁶ Труды Ованеса Имастасера. / Изд., иссл. и пер. А.Г. Абрамяна. – Ереван, 1956. – С. 120.

²²⁷ Джавахишвили И.А. История грузинского народа. – Тбилиси: Изд-во АН Груз. ССР, 1965. – С. 122-123.

Как великий ученый-философ и педагог Ованес Саркаваг всю свою долгую жизнь и духовно-интеллектуальную энергию поставил на службу образования и воспитания своего народа, будучи глубоко убежден, что это одновременно является необходимой основой для решения и общенациональных задач.

Поэтому он уделяет большое место проблеме воспитания молодого поколения в патриотическом духе и на базе национальных ценностей и идей, что было одной из первостепенных задач в ту драматическую для армянского народа эпоху. Ованес Саркаваг сочинил ряд шараканов, гимнов и других духовных и художественных произведений, посвященных выдающимся армянским полководцам и другим историческим лицам, чтобы прославляя героическое и плодovitое прошлое обнадежить и воодушевить соотечественников в отношении как настоящего, так и будущего. Так, в одном из шараканов он призывает «рассеянный по другим странам армянский народ к единству и сплочению «под родной крышей», под покровительством армянской церкви»²²⁸. Великий сын и идеолог своего народа глубоко сознавал, что только таким путем можно свергнуть иго чужеземных завоевателей и добиться свободы, политической независимости, восстановить утерянную государственность.

Он оставил богатое научно-философское и литературное наследие, в которое включает рассмотрение также ряда методико-методологических, исследовательских и дидактических принципов и идей. Как в научном, так и педагогическом смысле весьма важно то обстоятельство, что Саркаваг одним из первых в средневековье выдвинул тезис о необходимости непосредственного естественнонаучного познания внешней (физической) природы, опытного знания, опыта как достоверного критерия истинного знания²²⁹.

²²⁸ Труды Ованеса Имасасера. / Изд., иссл. и пер. А.Г. Абрамяна. – Ереван, 1956. – С. 128.

²²⁹ Тер-Саркисянц, А.Е. История и культура армянского народа с древнейших времен до начала XIX в. / А.Е. Тер-Саркисянц. – М.: Вост. лит. РАН, 2005. – С. 433.

Саркаваг впервые в истории армянской школы и педагогики вводит метод единовременного обучения чтению и письму.

В аспекте развития педагогической мысли и истории воспитания представляют определенный интерес суждения Ованеса Саркавага о познавательной сущности и функциях искусства. Так, природу он рассматривает как «родительницу» всех наук, искусств и ремесел. И в этом смысле она – высший учитель для представителей различных искусств и художеств. Поэтому художники должны учиться у природы, вернее – на образцах природы, следовать им и воспроизводить их в своих творениях»²³⁰. Одной из основных предпосылок художественного творчества является наличие природного таланта, творческой фантазии, вымысла, идеализации, что недопустимо в области науки. Высшая цель искусства – творческое воспроизведение действительности – исходный и главный принцип художественного творчества.

Труды Ованеса Саркавага, в частности, его работа «О полигональных числах», ряд календароведческих работ использовались в качестве учебных пособий в средневековых армянских школах вплоть до XV века. А его педагогические принципы и методы оказали существенное влияние на последующее развитие армянской педагогической мысли.

МХИТАР ГОШ

Мхитар Гош (ок. 1130-1213 гг.) – великий мыслитель-ученый, законодатель, писатель, педагог и общественный деятель. Родился в городе Гандзаке, где и получил первоначальное образование и посвятил себя духовной деятельности. Затем учился у известного вардапета Ованеса Тавушеци и других ученых-педагогов и получил степень вардапета. Не удовлетворившись этим, он отправляется в Киликию и скрыв свою ученую степень учится у известных ученых Черной горы, вторично удостоившись звания вардапета. По возвращении в Восточную Армению он приобрел своей ученостью большую славу и авторитет среди ученых кругов и современных политических и государственных деятелей, был духовником и советником Закарэ Захаряна – пра-

²³⁰ Музыкальная эстетика стран Востока. – М., 1967. – С. 360.

вителя Армении и амир спасалара Грузии. К нему приезжали учиться из различных мест, в том числе и вардапеты, которые завершив у него образование по его примеру повторно получали степень вардапета. Жизнь, литературная и педагогическая деятельность Гоша связаны, в основном, с монастырями Гетик и Нор Гетик (переименованный в его честь в Гошаванк). Он оставил память о себе «как памятник надгробный мудрые книги для того, кто любит науки»²³¹, талантливых учеников, продолживших дело своего учителя (в особенности, вардапет Ванакан). Гош – автор около 10 трудов, среди которых выделяются «Армянский Судебник» – первое произведение подобного рода в армянской действительности и «Притчи» – заложившие основу художественной прозы как самостоятельной области. И как отмечает академик М. Абебян, Гош «своей преподавательской и литературной деятельностью отражает культурный уровень» Восточной Армении XII века²³².

Мхитар Гош в своих трудах обращается к рассмотрению ряда вопросов, имеющих непосредственное отношение к школе, обучению, просвещению и воспитанию, многие из которых возведены им на уровень закона.

1. Всякое искусство, дело, область знания развиваются не одним человеком, а благодаря деятельности многих людей, ибо «искусство» образуется «отдельными открытиями в их совокупности»²³³.

2. Так как «нравы у людей бывают троякого вида: добрые, злые и средние», то поэтому суд и наставление в первую очередь нужны не заведомо добрым и злым, а «тем средним, против которых имеется обвинение или подозрение в чем-либо»²³⁴.

²³¹ Киракос Гандзакечи. История Армении. / Пер. с древнеарм., предисл. и комм. Л.А. Ханларян. – М., 1976. – С. 147.

²³² Абебян М.Х. История древнеармянской литературы. / Манук Абебян. / Пер. с арм. К.А. Мелик-Оганджяна и М.О. Дарбиняна; Академия наук Армянской ССР. Ин-т литературы им. М. Абебяна. – Ереван: Издательство Академии Наук Армянской ССР, 1975. – С. 416.

²³³ Мхитар Гош. Армянский Судебник Мхитара Гоша. / Пер. с древнеарм. А.А. Паповяна. Ред., вступ., статья и примеч. Б.М. Арутюняна. – Ереван: Изд-во: Акад. наук Арм. ССР, 1954. – С. 6.

²³⁴ Там же. – С. 9.

3. Судьи должны быть сведущи не только в богословских науках, но и во «внешних», в изречениях «мудрых людей всех народов и размышлять над ними»²³⁵.

4. Гош дает следующую возрастную периодизацию человека: «в возрасте 3 лет ребенок начинает говорить; в 7 лет – обучаться знаниям; в 14 лет отрок приобретает способность к деторождению; в 20 лет – способность к военной службе; в 25 лет – может стать священником. Посему уместно считать человека способный свидетельствовать в возрасте 25 лет...»²³⁶

5. Необходимо не укорять за допущенные ошибки, а «исправлять их»²³⁷.

6. Ученик, обучившись у одного вардапета и, пренебрегшись «своим воспитателем», может принять «звание вардапета от другого» или вторично пройдя курс обучения, или же, раскаявшись, «исправиться в учении у своего прежнего наставника»²³⁸.

7. Вардапет может принять к себе ученика другого вардапета «только с письменного согласия последнего». В противном случае «обязан начать учение сначала, хотя бы ученик тот уже учился, или же, раскаявшись «оставить ученика у бывшего учителя»²³⁹.

8. Вардапетами становятся не по личному желанию: они выдвигаются. Критерием подбора учителей являются их знания, самоусовершенствование, честность, непорочность, преданность науке и подобные достоинства²⁴⁰.

9. Обучение детей должно быть бесплатным. Кроме того, «учителям приличествует брать на себя полное содержание детей-сирот»²⁴¹.

²³⁵ Мхитар Гош. Армянский Судебник Мхитара Гоша. / Пер. с древнеарм. А.А. Паповяна. Ред., вступ., статья и примеч. Б.М. Арутюняна. – Ереван: Изд-во: Акад. наук Арм. ССР, 1954. – С. 12.

²³⁶ Там же. – С. 14.

²³⁷ Там же. – С. 29.

²³⁸ Там же. – С. 38.

²³⁹ Там же. – С. 39.

²⁴⁰ Там же. – С. 40.

²⁴¹ Там же. – С. 117.

10. Функция учителя-вардапета в наставлении, обличении и исправлении²⁴².

11. Все ремесла, искусства и науки являются «общественно полезными» и необходимыми, независимо от их пользы «для казны»²⁴³.

12. Ответственность детей и их родителей за содеянное²⁴⁴.

В сборнике притч Мхитара Гоша, имеющего поучительно-назидательный характер, возвеличивается добродетель, скромность, знание и мудрость, осуждаются недостатки, невежество, алчность, трусость и т. д. В отличие от других писателей, игнорирующих жанр притч, Гош полагает, что притчи имеют большое значение для наставления, обучения и воспитания широких кругов читателей и слушателей, то есть «неученого» люда. Этому способствовало и содержание притч, которое охватывало социальные, национальные, житейские и другие проблемы.

Творчество Мхитара Гоша оказало существенное влияние на развитие правовой мысли в Армении и формированию сугубо светского начала в художественной литературе. «Судебник» был распространен и использовался не только в Армении, но и в армянских колониях Крыма, Польши, Грузии, был переведен на грузинский и включен в судебник грузинского царя Вахтанга, а потом и в законодательство Российского государства. Он послужил основой и для создания судебного Смбатом Спарпетом, которым пользовались в Киликийском армянском государстве.

ОВАНЕС ЕРЗЫНКАЦИ (ПЛУЗ) (1230-е гг.-1293 г.)

Выдающийся философ, ученый, поэт, педагог и общественно-политический деятель. Один из энциклопедических умов средневековой Армении. Родился в городе Ерзынка гавара Екегяц²⁴⁵ Великой Армении. Перво-

²⁴² Мхитар Гош. Армянский Судебник Мхитара Гоша. / Пер. с древнеарм. А.А. Паповяна. Ред., вступ., статья и примеч. Б.М. Арутюняна. – Ереван: Изд-во: Акад. наук Арм. ССР, 1954. – С. 130.

²⁴³ Там же. – С. 148-149.

²⁴⁴ Там же. – С. 150-152.

²⁴⁵ Армянская книга канонов. Т. 1. / Предисл., научно-критич. текст и примеч. В. Акопяна. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1964. – С. 375.

начальное образование и воспитание получил в монастыре св. Минаса на горе Сенух²⁴⁶. С целью совершенствования своих знаний отправляется в Северо-Восточную Армению и становится учеником известного ученого-педагога Вардана Аревелци в одном из монастырей Кайедзора. Здесь он изучает философские и естественнонаучные дисциплины, космографию, грамматику, искусство врачевания и музыки. В 1268 году получил ученую степень вардапета. 1270-1280 годы – период наиболее активной и плодотворной общественно-политической и научно-литературной деятельности: участвует в культурной и политической жизни страны, в борьбе против униатов, путешествует по городам Армении и Киликии, посещает Иерусалим и Тпхис (Тифлис), где выступает с научно-философскими и богословскими речами и проповедями. В своих назидательно-поучительных речах и церковных канонах отстаивает идею независимости армянского государства и церкви, сохранения остатков армянской государственности. С целью спасения и сохранения для потомков рукописных сокровищ армянской культуры он основывает ряд книгохранилищ, предназначенных как для духовенства и учеников монастырских школ, так и для широких кругов читателей, налаживает копирование и размножение ценных памятников армянской письменности. Он был духовным руководителем и наставником «Братства» ремесленников и торговцев города Ерзынка (1280 г.). В конце 80-х годов вследствие болезни возвращается в монастырь св. Минаса и целиком посвящает себя научно-педагогической работе²⁴⁷.

Письменное наследие Ованеса Ерзынкаци охватывает почти все области средневекового знания и творчества: философию, естествознание, космографию, грамматику, эстетику, этику, толкования, каноны, назидания, политику, богословие, поэзию и др. Он признает возможность и необходимость познания внешнего мира, равноправность дедуктивного и индуктивного ме-

²⁴⁶ Армянская книга канонов. Т. 1. / Предисл., научно-критич. текст и примеч. В. Акопяна. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1964. – С. 377.

²⁴⁷ Киракос Гандзакци. История Армении. / Пер. с древнеарм., предисл. и комм. Л.А. Ханларян. – М., 1976. – С. 269.

тодов исследования. В космологических работах дается научно-популярное и занимательное объяснение природы, движения небесных тел, различных природных явлений и т. д.

Многие произведения имеют просветительский, назидательно-поучительный характер, направлены на пробуждение интереса к учению, знаниям и наукам, на раскрытие сущности и значения нравственных ценностей и норм, что должно служить делу просвещения и воспитания народа, устранения пороков, несправедливости и порождающих их причин в общественной жизни. «В мире все временно и преходяще и лишь знание – вечно, оно – вечный и неиссякаемый источник добра и справедливости»²⁴⁸. Назидания и поучения Ованеса Ерзынкаци адресованы всем социальным слоям общества с учетом возрастного и образовательного факторов. Он довел до совершенства жанр нравоучительных изречений в форме четверостиший. Он стремится к чистоте, ясности, доступности и богатству языковых форм, отстаивает светский стиль изложения, не допуская, однако, увлечения просторечием и диалектизмами.

Он признает возможность и необходимость познания окружающего мира, принцип сочетания дедуктивного и индуктивного методов в процессе познания. В своих космологических работах мыслитель дает научно-популярное и занимательное объяснение различным природным явлениям, движению небесных светил и т. д.

В его «Толковании грамматики» отражены достижения античной и армянской грамматической мысли, привнесены ряд новых и ценных идей, наблюдений и обобщений. Следуя учебно-образовательной программе и принципам обучения Григора Магистроса, и в целях обучения и прочного усвоения учениками знаний Ованес Ерзынкаци приводит отрывки из «Илиады» и

²⁴⁸ Рабинович В. Исповедь книгочея, который учил букве, а укреплял дух. – М., 1991. – С. 227.

«Одиссеи», биографию Гомера в армянском переводе²⁴⁹. Данный труд долгое время служил учебным пособием по грамматике в армянских школах высшего типа и оказал существенное влияние на творчество многих ученых-грамматиков, в частности, Есаи Ничеци, Ованеса Цорцореци и др.

Поэтическое творчество Ованеса Ерзынкаци включает произведения светского, научного и религиозного характера. В них нашли художественное отражение противоречивость и глубина человеческой мысли и чувств, любовь к земной жизни и природе, философское осмысление социальной жизни и человеческого бытия, патриотические и гражданские чувства поэта-мыслителя. Они имеют также отчетливо выраженный назидательно-поучительный и просветительский характер²⁵⁰.

Научно-педагогическая, литературная и общественно-политическая деятельность Ованеса Ерзынкаци – одна из ярких страниц в истории науки, культуры и просвещения средневековой Армении. Его письменное наследие оказало существенное влияние на дальнейшее развитие армянской теоретической мысли, в том числе педагогической.

АРАКЕЛ СЮНЕЦИ (ок. 1355 – ок. 1425 г.)

Видный педагог, моралист, философ, поэт, грамматик, композитор. Биографические сведения весьма скудны. Аракел Сюнеци – родственник и ученик Григора Татеваци – получил высшее образование и степень вардапета в Татевском университете, после чего занялся научно-педагогической работой. В 1409 году он назначается епископом, а впоследствии – архиепископом Сюника. По некоторым косвенным данным после Маттеоса Джугаеци²⁵¹ руководство Татевским университетом было возложено на Аракела Сюнеци. Он оставил солидное письменное наследие, включающее произведения ху-

²⁴⁹ Абемян М.Х. История древнеармянской литературы. / Манук Абемян. / Пер. с арм. К.А. Мелик-Оганджаняна и М.О. Дарбиняна; Академия наук Армянской ССР. Ин-т литературы им. М. Абемяна. – Ереван: Издательство Академии Наук Армянской ССР, 1975. – С. 318.

²⁵⁰ Апресян, Г.И. Из истории армянской эстетической мысли: в 2 кн. Кн. I. С VI в. до н.э. по XVIII век. / Г.И. Апресян. – Ереван: Айастан, 1973. – С. 212.

²⁵¹ Армянская книга канонов. Т. 1. / Предисл., научно-критич. текст и примеч. В. Акопяна. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1964. – С. 372.

дожественного, педагогического, философского, грамматического характера. В учебно-образовательных целях он написал комментарий к «Определениям философии» Давида Анахта и толкование грамматики. В грамматическом труде обобщены многие достижения предшествующей грамматической науки; он написан в форме вопросов и ответов, распространенной в средневековой армянской учебной литературе, но в грамматике впервые использована им, чтобы и структурно и по форме облегчить процесс обучения. Кроме того, в отличие от других армянских грамматиков, объектом грамматики он считает как письменную, так и устную речь²⁵².

Художественное творчество Аракела Сюнеци – лирическая и назидательно-поучительная поэзия, поэмы и речи – выражают и философско-эстетические воззрения автора, и его отношение к актуальным социальным вопросам. Он стремится возвысить и укрепить самосознание народа, чувство гражданского и национального достоинства. Его жизнь и деятельность совпали с периодом крайней политической неустойчивости Армении, разорения страны, что привело к упадническим настроениям²⁵³. Поэтому одной из главных задач, стоящих перед деятелями армянской культуры, оставалась проблема духовного единства и национального самосохранения. Несмотря на исторический драматизм эпохи Аракел Сюнеци не теряет надежды, к будущему он настроен оптимистически. Но для этого необходимо, чтобы не повторялись ошибки прошлого, чтобы люди боролись за это будущее, постоянно занимались интеллектуальным и моральным самосовершенствованием. Приобретение же духовной свободы и гармонии – основа, пусть и опосредственно, обеспечивающая обретение действительно социальной гармонии. Всем своим творчеством и практической деятельностью Аракел Сюнеци, по-

²⁵² Мирумьян К. А. Очерки по истории армянской педагогической мысли. – Ереван. Изд-во ЗАНГАК. – 2013. – С. 136.

²⁵³ Абебян М.Х. История древнеармянской литературы. / Манук Абебян. / Пер. с арм. К.А. Мелик-Оганджанияна и М.О. Дарбиняна; Академия наук Армянской ССР. Ин-т литературы им. М. Абебяна. – Ереван: Издательство Академии Наук Армянской ССР, 1975. – С. 316.

добно многим другим деятелям, пытался приостановить надвигающийся упадок науки, культуры и просвещения в Армении.

Перу Аракела Сюнеци принадлежат и две большие поэмы: «Книга рая», в которой исследователи усматривают параллели с «Божественной комедией» Данте, и с «Книгой рая» («Западно-восточный диван») Гете. «Адамова книга» – венец его литературного творчества, которая по замыслу напоминает «Потерянный рай» английского поэта XVII века Мильтона²⁵⁴. «Адамова книга» имела и музыкальное оформление, некоторые части предназначались для сценического исполнения. Она «носит предметно-дидактический характер»²⁵⁵. Он написал также пространную астрономическую поэму «О двенадцати знаках Зодиака» и около 50 различных стихотворений.

Из вышеизложенного следует, что тяжелые условия, сложившиеся вследствие иноземного засилья, препятствовали естественному историческому развитию страны, прерывали процесс развития культуры, в частности школьного дела, учебно-образовательной системы. Поэтому школа и образование развивались в основном в труднодоступных горных районах Армении или в тех областях, которые обладали определенной привилегией или независимостью. Однако и это не всегда гарантировало безопасность. Поэтому часто руководители школ вместе со своими учениками кочевали из одного селения в другое. Кроме того, существовали и специально созданные «передвижные» школы, которые, перемещаясь по стране, распространяли семена просвещения и образования среди широких слоев народа. Были и странствующие учителя, которые открывали «временные» школы (частные и народные) в различных местах с целью обучения элементарным знаниям, чтению,

²⁵⁴ Брюсов В. Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков. Историко-литературный очерк. // Поэзия Армении. / Под ред. В. Брюсова. – Ереван, 1966. – С. 3.

²⁵⁵ Абебян М.Х. История древнеармянской литературы. / Манук Абебян. / Пер. с арм. К.А. Мелик-Оганджяна и М.О. Дарбиняна; Академия наук Армянской ССР. Ин-т литературы им. М. Абебяна. – Ереван: Издательство Академии Наук Армянской ССР, 1975. – С. 318.

²⁵⁵ Апресян Г.И. Из истории армянской эстетической мысли: в 2 кн. Кн. I. С VI в. до н.э. по XVIII век. / Г.И. Апресян. – Ереван: Айастан, 1973. – С. 218.

письму, пению и счету. Многие из них были мирянами и не имели духовного сана. Это было своего рода «хождение в народ». Так как не во всех селениях имелись школы и не все дети могли отправиться в известные школы по разным причинам (материальным, семейным и т.д.), то школа в лице преданных делу просвещения народа учителей-наставников шла к нему.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной выпускной квалификационной работе в качестве объекта исследования выступала история армянской средневековой школы в период IV-XV веков. Исследовалась педагогическая мысль средневековой Армении в указанный период.

В результате была определена основная цель исследования – проанализировать историю школы и педагогической мысли средневековой Армении в период IV-XV веков.

В ходе решения поставленной цели были решены следующие задачи:

- рассмотрена культурно-историческая характеристика эпохи, состояние школы и образования в IV-IX веках;
- изучен вклад деятелей армянской средневековой школы в историю развития педагогической мысли IV-IX веков;
- проанализировано историческое развитие армянской школы в X-XV века;
- исследована просветительско-педагогическая мысль Армении X-XV веков.

На основании проведенного исследования были сделаны следующие выводы:

Почти все крупные мыслители и педагоги, а также общественно-политические и духовные деятели IV-IX веков в той или иной степени затрагивали вопросы образования, обучения и воспитания или сами занимались преподавательской деятельностью. Выдающимися представителями культурно-просветительской и педагогической мысли этого периода являются Саак Партэв, Месроп Маштоц, Мовсес Хоренаци, Давит Анахт, Анания Ширакаци, Степанос Сюнеци и др., которые в своих воззрениях аккумулировали педагогические идеи своей эпохи, той или иной школы или идейного направления.

Разумеется, развитие педагогической мысли как по форме, так и по содержанию не всегда протекало по восходящей линии, а было обусловлено конкретными социально-политическими и историческими условиями.

Выдающуюся роль в деле организации и развития школьно-образовательного дела и педагогической мысли в Армении X-XV веков сыграли крупные мыслители и педагоги Анания Нарекаци, Григор Магистрос, Ованес Саркаваг Имастасер, Мхитар Гош, Григор Татевеци, Аракел Сюнеци и многие другие, которые в своей научно-литературно-педагогической деятельности не только обобщили завоевания армянской педагогической мысли предшествующего периода, но и подняли ее на качественно новый уровень, обогатив целым рядом интересных и оригинальных идей и положений.

Таким образом, идеологи армянского народа сознавали, что стремление к национально-культурной самобытности можно осуществить только путем усвоения общечеловеческих ценностей, но проведя их через призму национального сознания и систему национальных ценностей, творчески переосмысливая их и включая в контекст задач, периодически встающих перед нацией и ее идеологами. Только в этом случае возможно создать действительно самобытную национальную культуру – жизнеспособную и действенную, способную решать разнородные проблемы национального бытия. Самобытность не исключает, а наоборот, предполагает творческое заимствование, взаимовлияние, следовательно, и взаимообогащение культур. Ярким свидетельством этому является многовековая история культуры армянского народа, которую можно представить как один из множества вариантов постоянного синтеза различных культурных традиций и ценностей, а Армению как место встречи и скрещивания начал Востока и Запада. Более того, указанный процесс имеет не столько естественный или стихийный характер, сколько значение важнейшего теоретико-методологического и идейно-политического принципа.

Программой сверхидеей, пронизывающей все политическое мышление армянских деятелей, как светских, так и церковно-религиозных, была идея государственной целостности, национального единства, а с их потерей – восстановления национальной, политической и государственной независимости. То, что было потеряно в реальной государственно-политической сфере, они стремились сохранить в сознании армянского народа, отсутствие государственной целостности и политической независимости заменили идейным, языковым и культурным единством народа. Важная роль в этом процессе принадлежит школьно-образовательной системе и воспитанию.

Сказанное имеет не только историко-познавательное значение, оно одновременно может послужить живым уроком, образцом и для нашего поколения. Деятели Армянской Апостольской церкви и культуры в течение веков, фактически, выступали и как политические мыслители, носители национально-политической программы, способствуя обеспечению культурной, а опосредовано, и политической независимости. Этой цели были подчинены все сферы духовно-культурной жизни, в том числе наука, философия, искусство, и особенно, школьно-образовательная система.

Таким образом, были выполнены основные задачи исследования и достигнута поставленная цель.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК**I. Источники**

1. Агатангелос. История Армянции. / Пер., вступит. статья и примеч. К.С. Тер-Давтян и С. С. Аревшатыана. – Ереван, 2005. – 336 с.
2. Адонц Н. Дионисий Фракийский и армянские толкователи. – Петроград, 1915. – 307 с.
3. Акоп Крымеци. Календароведческие труды. / Пер. текста Дж. А. Эйнатян. – Ереван, 1987. – 392 с.
4. Амирдовлат Амасиаци. Ненужное для неучей. / Изд. К. Басмаджян. Вена, 1626. Пер. и комм. С.А. Варданян; изд. Наука, Москва, 1990. – 880 с.
5. Анания Ширакаци. Автобиография. / Пер. с древнеарм. яз. К. Патканяна (см. Предисловие к «Армянской Географии VII в.») – СПб., 1877. – 69 с.
6. Анания Ширакаци. Армянская география VII века. Пер. К. Патканяна. – СПб, 1877. – 71 с.
7. Анания Ширакаци. Космография. / Пер. с древнеарм., предисл. и комм. К.С. Тер-Давтян и С.С. Аревшатыана. – Ереван, 1962. – 398 с.
8. Анания Ширакаци. Сочинения. / Изд. и исслед. А.Г. Абрамяна. Пер. В.К. Чалояна. Ереван. – 1957. – 418 с.
9. Анонимное Толкование «Категорий» Аристотеля. / Пер. с древнеарм. С.С. Аревшатыана. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1961. – 319 с.
10. Антология армянской поэзии. С древнейших времен до наших дней. / Под ред. С.С. Арутюняна и В.Я. Кирпотина. – М.: Гослитиздат, 1940. – 720 с.
11. Антология мировой философии. Т. 1. Ч. 2. Раздел «Армения». / Сост., пер. с древнеарм. и вступ. статьи С.С. Аревшатыана. – М., 1969. – 768 с.
12. Аппиан. Митридатовы войны. // ВДИ, № 4, 1946 (пер. С.П. Кондратьева).

13. Аракел Даврижеци. Книга истории. / Пер. с арм. Л.Х. Ханларян. – М., 1973. – 628 с.
14. Аракел Сюнеци. Анализ «Определений философии Давида», непобедимого философа. – Мадрас, 1777.
15. Аристахэс Ластивертци. Повествование вардапета Аристахэса Ластивертци. / Пер. с древнеарм. К.Н. Юзбашяна. – М.: Наука, 1968. – 194 с.
16. Армянская книга канонов. Т. 1. / Предисл., научно-критич. текст и примеч. В. Акопяна. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1964. – 742 с.
17. Армянские жития и мученичества. / Пер. с древнеарм., вступ. статьи и примеч. К.С. Тер-Давтян. – Ереван, 1994. – 484 с.
18. Асохик. Всеобщая история Степаноса Таронского Асохика по прозванию писателя XI столетия. / Пер. с арм. и объяснена Н. Эминым. – Москва: тип. Лазар. ин-та вост. яз., 1864. – 335 с.
19. Ваграм, Рабуни. Анализ «Категорий» Аристотеля [Текст]: Критический текст, пер. с древнеарм. / Рабуни Ваграм; Предисл. и примеч. Г.О. Григоряна; «Матендаран». Ин-т древних рукописей им. Маштоца при Совете Министров Армянской ССР. – Ереван: Изд-во Акад. наук Арм. ССР, 1967. – 259 с.
20. Григор Татеваци. Толкование притчей Соломоновых. / Пер. с древнеарм., предисл. и примеч. С.С. Аревшатына. – Ереван: Наири, 1999. – 90 с.
21. Григор Нарекаци. Книга скорбных песнопений. / Пер. с древнеарм. и комментарий М.О. Дарбинян-Меликян и Л.А. Ханларян. Вступит. статья С.С. Аверинцева. – М.: ЮниПресс и К, 2011. – 446 с.
22. Давид Анахт. Сочинения. / Сост., пер. с древнеарм., вступ. статья и примеч. С.С. Аревшатына. – М., 1980. – 262 с.
23. Давид Сасунский [Текст]: Армян. нар. Эпос. / Пер. В.В. Державина, А.С. Кочеткова, К.А. Липскерова и С.В. Шервинского; Под ред. и с предисл. акад. И. А. Орбели; Ил. Ерванда Кочара; Акад. наук СССР, Армян. филиал. – Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1939 (Ленинград). – 384 с.

24. Егишэ. О Вардане и о войне Армянской. / Пер. с древнеарм. И. Орбели./ Подг. к изд., предисл. и примеч. К.Н. Юзбашяна. АН АрмССР. Ин-т литературы им. М. Абебяна. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1971. – 192 с.

25. Езник Кохбацци. Книга опровержений. / Пер., предисл. и примеч. В.К. Чалояна. – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1968. – 174 с.

26. Закарий Канакерци. Хроника. / Пер. с арм. М.О. Дарбинян-Меликян. – Москва: Наука, 1969. – 320 с.

27. Иоанн Воротнеци. Анализ «Категорий» Аристотеля. / Сводный текст, предисл. и примеч. В.К. Чалояна. / Пер. А.А. Адамяна и К. Чалояна. / Под ред. С.С. Аревшатына. – Ереван, 1956. – 348 с.

28. Иованнес VI (католикос). История Армении. / Иованнес Драсханакертци. / Пер. с древнеарм. яз., вступ. ст. и примеч. М.О. Дарбинян-Меликян. – М.: Союз армян России, 2011. – 290 с.

29. Источники по истории высших школ средневековой Армении (XII-XV вв.). / Пер. с древнеарм., вступит. статьи и примеч. К.С. Тер-Давтян. Предисл. и ред. С.С. Аревшатына. – Ереван, 1983. – 112 с.

30. Книга Марко Поло. – М.: Гос. изд-во географич. лит-ры, 1956. – 376 с.

31. Корюн. Житие Маштоца. История жизни и смерти блаженного мужа, святого, Вардапета Маштоца, нашего переводчика, (написанная) учеником его Вардапетом Корюном. Пер. с древнеармянского Ш.В. Смбатяна и К.А. Мелик-Огаджаняна. – М., 1962. – 70 с.

32. Киракос Гандзакеци. История Армении. Пер. с древнеармянского предисловие и примечания Л.А. Ханларян. – М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1976. – 357 с. («Памятники письменности Востока»).

33. Многовещательные речи св. отца нашего блаженного Григора Лусаворича. / Изд.: А. Тер-Микелян. Вагаршапат, 1894. Пер. с древнеарм., предисл. и комм. К.С. Тер-Давтян и С.С. Аревшатына. – Ереван, 1962. – 247 с.

34. Мовсес Хоренаци (Моисей Хоренский; 5 в.). История Армении. / Соч. Моисея Хоренского; Пер. с арм. и объяснил Н. Эмин. – Москва: тип. Каткова и К°, 1858. – 384 с.

35. Мхитар Гош. Армянский Судебник Мхитара Гоша. / Пер. с древнеарм. А.А. Паповяна. Ред., вступ., статья и примеч. Б.М. Арутюняна. – Ереван: Изд-во: Акад. наук Арм. ССР, 1954. – 270 с.

36. Памятники армянской агиографии. – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1973. – 328 с.

37. Степанос Орбелян. История области Сисакан (Степаноса Сюнийского епископа История дома Сисакана). – М.: изд. Мкртич Эмин, 1861. – 388 с.

38. Труды Ованеса Имастасера. / Изд., иссл. и пер. А.Г. Абрамяна. – Ереван, 1956. – 372 с.

39. Фрагменты трудов Анания Ширакаци. / Пер с арм. К. Патканяна. – СПб., 1877. – 118 с.

40. Установления и каноны св. Церкви, принятые армянскими вардапетами в дополнение и подтверждение апостольских и никейских канонов. / Пер. С.С. Аревшатяна. Историко-филологический журнал, 1959, № 2-3.

41. Фавстос Бузанд. История Армении Фавстоса Бузанда. / Пер. с древнеарм. и комм. М.А. Геворкяна. – Ереван, 1953. – 238 с.

II. Литература

42. Абаза В.А. История Армении. – С.-Петербург. Типография И.Н. Скороходова, 1988. – 128 с.

43. Абемян М.Х. История древнеармянской литературы. / Манук Абемян. / Пер. с арм. К.А. Мелик-Оганджаняна и М.О. Дарбиняна; Академия наук Армянской ССР. Ин-т литературы им. М. Абемяна. – Ереван: Издательство Академии Наук Армянской ССР, 1975. – 606 с.

44. Адамян А.А. Эстетические воззрения средневековой Армении. – Ереван, 1955. – 234 с.
45. Алишан Г. Ованес Саркаваг вардапет. // Пер. с арм. и объяснена Н. Эминым. – Москва: тип. Лазар. ин-та вост. яз., 1857. – 387 с.
46. Апресян, Г.И. Из истории армянской эстетической мысли: в 2 кн. Кн. I. С VI в. до н.э. по XVIII век. / Г.И. Апресян. – Ереван: Айастан, 1973. – 292 с.
47. Аракелян Б.Н., Агаян Ц.П., Парсамян В.А. История армянского народа. – Ереван: Луйс, 1989. – 208 с.
48. Арзанов А. Опыт начертания истории царства Армянского. / А. Арзанов, Д. Арзанов. – М., 1827. – 234 с.
49. Аревшатын С.С., Матевосян А.С. Гладзорский университет – центр просвещения средневековой Армении. – Ереван, 1984. – 65 с.
50. Аревшатын С.С. Давид Непобедимый – выдающийся философ Древней Армении. – М., 1980. – 64 с.
51. Аревшатын С.С. К истории философских школ средневековой Армении (XIV в.). – Ер.: Изд-во АН АрмССР, 1980. – 79 с.
52. Аревшатын С.С. Философские взгляды Григора Татеваци. – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1957. – 181 с.
53. Аревшатын С.С. Формирование философской науки в древней Армении (V-VI вв.). – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1973. – 350 с.
54. Брутян Г.А. Логика Давида Непобедимого. – М.: Наука, 1982. – 88 с.
55. Брюсов В. Летопись исторических судеб армянского народа. – Ереван: Айастан, 1989. – 182 с.
56. Брюсов В. Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков. Историко-литературный очерк. // Поэзия Армении. / Под ред. В. Брюсова. – Ереван, 1966. – 7 с.

57. Веселовский, Ю.А. Очерки армянской литературы, истории и культуры. / Ю.А. Веселовский. – Ереван: Айастан, 1972. – 502 с.
58. Видные деятели армянской культуры (V-VIII века). – Ереван: Издательство Ереванского университета, 1982. – 476 с.
59. Гандзакеци К. История Армении. – М.: Наука, 1976. – 357 с.
60. Глинка С.Н. Обзорение истории армянского народа. / С. Глинка. – Ереван: Гркери ашхар, 1990. – 294 с.
61. Григорян Г.М. Очерки истории Сюника. IX-XV вв. / Отв. ред. Х.А. Торосян, Б.А. Улубабян; АН АрмССР. Ин-т археологии и этнографии. – Ер: Изд-во АН АрмССР, 1990. – 390 с.
62. Григорян Г.О. Философские взгляды Иоанна Имастасера. // Ист.-филолог. журнал. – 1958. – № 3. – С. 25-30.
63. Депман И.Я. История арифметики. – Москва: Издательство «Промсвещение», 1965. – 416 с.
64. Джавахишвили И.А. История грузинского народа. – Тбилиси: Изд-во АН Груз. ССР, 1965. – 600 с.
65. Джурицкий А.Н. История зарубежной педагогики: Учебн. пособие для вузов. – М.: ФОРУМ – ИНФРА-М, 1998. – 272 с.
66. Днепров Э.Д. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. / Отв. Ред. Э.Д. Днепров. – М.: педагогика, 1989. – 480 с.
67. Дьяконов И. Предыстория армянского народа. / И. Дьяконов. – Ереван: Издательство АН АрмССР, 1968. – 264 с.
68. История армянского народа (с древнейших времен до наших дней). Под ред. проф. М.Г. Нерсисяна. – Ереван, 1980. – 458 с.
69. Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербейджане: I. Ал-Истахрий. // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, Вып. 29. – Тифлис, 1901. – С. 51.

70. Кэджори Ф. История элементарной математики с указаниями на методы преподавания. / пер. с англ., под ред., с прим. и прибавл. И.Ю. Тимченко. 2-е изд., испр. и доп. – Одесса, 1917. – 478 с.

71. Константинов Н.А., Медынский Е.Н., Шабаетова М.Ф. История педагогики. 5-е изд., доп. и перераб. – М.: Просвещение, 1982. – 447 с.

72. Культура Византии (IV— первая пол. VII в.). – М.: Наука, 1984. – 726 с.

73. Лео. История армянского народа, т. III. – Ереван, 1946. – 272 с.

74. Манандян А.А. Месроп Маштоц и борьба армянского народа за культурную самобытность. / А.А. Манандян. – Ереван: Армфан, 1941. – 48 с.

75. Марр Н.Я. Армянская культура: ее корни и доисторические связи по данным языкознания: пер. с арм. / Николай Марр. – Ереван: Айастан, 1990. – 53 с.

76. Марр Н.Я. Ани: Книжная история города и раскопки на месте городища. – Л.-М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. – 133 с.

77. Матевосян А.С. «Книжкон» Анания Ширакаци. – Вестник общ наук АН Арм. ССР, 1974, №7.

78. Микаелян Г.Г. История Киликийского армянского государства. – Ереван, 1952. – 555 с.

79. Мирумян К. А. Культурная самобытность в контексте национального бытия. – Ереван, 1994. – 110 с.

80. Мирумян К.А. Научно-педагогическая деятельность и учебно-образовательная концепция Анания Ширакаци. // Вестник РАУ: гуманитарные и общественные науки. – 2012. – № 2.

81. Мирумян К.А. О роли школы и системы образования в контексте национального бытия в эпоху армянского высокого Средневековья. // Вестник РАУ: гуманитарные и общественные науки. – 2011. – № 2.

82. Мирумян К.А. Очерки по истории армянской педагогической мысли. – Ер: Изд-во ЗАНГАК, 2013. – 180 с.

83. Мирумян К.А. Становление естественно-научной мысли в Армении. / К.А. Мирумян; АН Армении, Ин-т философии и права. – Ереван: Изд-во АН Армении, 1991. – 258 с.

84. Мирумян К.А. Школа, просвещение и педагогическая мысль в Армении. – М., 1989. – 284 с.

85. Мовсесян А.Х. Из истории армянской школы и педагогики (с начала до XVIII века). / А.Х. Мовсесян. – Ереван: Митк, 1968. – 129 с.

86. Музыкальная эстетика стран Востока. – М., 1967. – 416 с.

87. Орбели И.А. Избранные труды. Т.1. – М., 1960. – 269 с.

88. Петросян Г.Б. Из истории математики средневековой Армении (статьи и публикации). – Ер., 1986. – 123 с. На арм. и рус. яз.

89. Рабинович В. Исповедь книгочея, который учил букве, а укреплял дух. – М., 1991. – 498 с.

90. Симонян П.Р. Очерки по истории армянской школы и педагогической мысли. – Ереван, 1971. – 254.

91. Тер-Нерсесян, С. Армения: быт, религия, культура. / С. Тер-Нерсесян; пер. с англ. Л.А. Игоревского. – М.: Центрполиграф, 2008. – 186 с.

92. Тер-Саркисянц, А.Е. Армяне. История и этнокультурные традиции. / А.Е. Тер-Саркисянц. – М.: Вост. лит. РАН, 1998. – 397 с.

93. Тер-Саркисянц, А.Е. История и культура армянского народа с древнейших времен до начала XIX в. / А.Е. Тер-Саркисянц. – М.: Вост. лит. РАН, 2005. – 686 с.

94. Тревер К.В. Очерки по истории культуры древней Армении (II в. до н. э. - IV в. н. э.). – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1953. – 397 с.

95. Фаррар Ф.В. Жизнь и труды святых отцов и учителей церкви. / Пер. с англ. А.П. Лопухина. Т. 1. – СПб., 1891. – 671 с.

96. Чалоян В.К. Армянский Ренессанс. – М. Издательство АН СССР, 1963. – 176 с.

97. Чалоян В.К. История армянской философии: Древний и средневековый период. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1959. – 372 с.

98. Чалоян В.К. Основные черты философии Иоанна Воротнеци. // Вопр. философии. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1956. – № 5. – С. 142-147.

99. Чалоян В.К. Развитие философской мысли в Армении (Древний и средневековый период). – М.: Наука, 1974. – 294 с.

100. Чалоян В.К. Философия Давида Непобедимого и ее влияние на мыслителей последующих веков. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1980. – 114 с.

101. Шагинян А.К. Армения и страны Южного Кавказа в условиях византийско-иранской и арабской власти. / Арсен Шагинян. – СПб: Алетейя, 2011. – 512 с.

102. Юзбашян К.Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX-XI вв. – М.: Наука, 1988. – 300 с.